

ДМИТРИЙ ЛУГОВОЙ

Менеджер континуума



Дмитрий Луговой

Менеджер континуума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9987655

ISBN 978-5-4474-0942-5

Аннотация

Ох уж эти попаданцы! То в какой-то тоннель провалятся, то машина сойдёт, то током стукнет... Хватит! Если уж идти туда, не зная куда, то по собственной инициативе и с приличным багажом за плечами. Вот ещё бы к умениям хоть немножечко знаний! А то какой-то неправильный маг получается... неполноценный. А приключения – они сами вас найдут, стоит только сделать первый шаг в континуум.

Содержание

Часть 1	5
Пролог 1	5
Пролог 3	8
Пролог 2	9
Глава 1. Блюдечко... с каёмочкой	12
Глава 2. Менеджер континуума	22
Глава 3. Шмокодявка, и не только...	40
Глава 4. Про старческий маразм и недокументированные возможности	70
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Менеджер континуума

Дмитрий Луговой

© Дмитрий Луговой, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Часть 1

Пролог 1

Маленькая кошка по кличке Варежка, радикального мышиного цвета, лениво, как это свойственно всем домашним кошкам и котам, наблюдала с безопасного подоконника за огромным дворовым псом. Барбос, числящийся по своему собачьему паспорту как Добрыня Никитич, а в шутку прозванный Бегемотом Чемодановичем, увлечённо зарывался на глубину своего совсем не маленького роста. Его безмалого центнерная тушка уже почти полностью скрылась за валом выбрасываемого песка, а пёс продолжал самозабвенно углубляться в недра двора.

Кошке уже совсем было наскучило наблюдать изыскательские работы, и она всерьёз, было, задумалась о том, что же лучше – пойти поспать на другом подоконнике, куда как раз переползло тёплое солнышко, или же сходить и отведать первого послеобеденного полдника. Как вдруг собак неожиданно вылетел вперёд хвостом из своей «делянки», и, перекувыркнувшись в воздухе, с размаху плюхнулся на пузо через три метра и триста децибел испуганного визга.

Кошка заинтересовалась.

Однако Добрыня, не смотря на необычный для его ком-

плекции прыжок, а может и принудительное катапультирование, казалось, тут же пришёл в себя. Помотав головой из стороны в сторону, он поднялся на лапы и, как ни в чём не бывало, протрусил обратно к яме. Впрочем, на последних шагах осторожность взяла своё, и он аккуратно, наклонив по-собачьи голову и оттопырив левое ухо к зениту, заглянул в яму.

Несколько секунд ничего не происходило. Варежка заскучала.

Вибрация началась неожиданно. Казалось, что под домом замурчал неизвестный науке зверь – этакий слонкот. То есть размером со слона, конечно, но со встроенным кошачьим мурчалником. А из злополучной ямы в то же мгновение начало выбираться подозрительное марево, постепенно обволакивая так и застывшего на краю пса. На несколько секунд странная субстанция замерла, потом помутнела и двинулась дальше в сторону огороженного сеткой-рабицей загончика для домашней птицы. Собак же с размаху сел на хвост и изобразил настолько типичный фейспалм, что наблюдай за ним не кошка, а человек, ни за что бы ни поверил своим глазам.

Дымка же, без труда проникнув сквозь преграду, таким же манером обволокла пернатое население двора. Но, ни куры, ни утки замирать отчего-то не захотели и продолжили увлечённо разгребать землю в поисках чего-нибудь съедобного. Непонятная субстанция отпрянула от птичника, собралась

в клубящееся облачко и исторгла из себя несколько щупальцеподобных отростков. Одно из них явно нацелилось на облюбленный кошкой подоконник.

Кошка насторожилась. Правда, до сих пор, двойной стеклопакет представлялся ей незыблемой границей, защищающей её как от непогоды, так и от посягательств излишне любопытных уличных обитателей. Но явное внимание непонятной штуковины ей не нравилось. Как оказалось не зря. «Тучка» втянула в себя все щупальца и одним рывком оказалась рядом с Варезкой, просочившись через стекло.

Через несколько мгновений странная субстанция таким же образом покинула дом. Ещё раз прикинувшись туманным осьминогом повисела посреди двора, но не найдя больше живых существ, съёжилась, посветлела, став практически прозрачной, и забилась куда-то под ступеньки крыльца. Поддомный слонокот взмуркнул в последний раз как-то по особенному, с надрывом, и резко затих.

Добрыня и Варезка встретились взглядом и замерли, разделённые теперь друг от друга *только* стеклом...

Пролог 3

– А я тебе говорю, надо сразу ему всё рассказать.

– Ну да – и в дурку!

– Ладно тебе, он вполне адекватный!

– Тогда нас в дурку!

– Что ты заладила: «в дурку, в дурку!»». Слово-то какое дурацкое!

– Тавтология!

– Чего?!

– Чего слышал!

– Да что мы с тобой сцепились, как кошка с собакой!

– Кхм...

– Н-да уж...

– Нельзя вот так ему всё вывалить.

– А как тогда?

– Не знаю. Думать надо... Что-то он совсем не хочет в себя приходить. Нас-то с тобой сразу отпустило. Ладно, разберёмся по ситуации...

Пролог 2

Хороший сегодня был день. Апрельское солнце наконец-то справилось с остатками зимы, разогнало нависавшую и порядком уже поднадоевшую хмарь и вовсю шпарило горячими лучами, даже не растапливая, а сразу испаряя остатки грязного снега. Доблестное «Авторадио», в лице не менее доблестных Мурзилок, с утра поглумилось над синоптиками, обещавшими на десять дней вперёд похолодание и мокрый снег. Я ехал домой, открыв все окна в машине, и наслаждался Настоящей Весной и долгожданной Пятницей. Причём слово «пятница» с заглавной буквы не потому, что это известный кореш Робинзона Крузо, а потому, что как заявляют вышеупомянутые Мурзилки – это самое дорогое, что есть у каждого из нас – Пятница – конец рабочей недели. Двадцать километров от города до дома пролетели в один миг. Вот почему так? Когда хорошей погоды нет, и не предвидится – дорога тянется как резиновая, а если душа поёт, хочется ехать и ехать, а тут раз – и дома. Несправедливо!

Наша деревня как будто вымерла. Видимо к концу дня даже пенсионерки, наверняка не преминувшие вылезти на улицу под первое по настоящему тёплое солнышко, обменяться «свежачком», обойти свои владения, уже устали и забились обратно к намозолившему глаза и уши, но такому родному телевизору.

Последним аккордом радостно-дорожного настроения я лихо припарковался в огромную лужу перед домом. Тут же руки зачесались схватить на огороде лопату и прокопать канавку для талой воды. Как в детстве. Может ещё и щепочек наперегонки запустить.

Мой пёс, труднопроизносимой на трезвую голову породы Бернский Зенненхунд, против обыкновения не выскочил меня встречать. Странно. Хотя, почему, странно? Вон какую ямищу выкопал. Чует, наверное, что достанется на орехи, вот и прячется где-нибудь. А вот кошка Варешка, она же Варька, Варёк, Тварь, Авария, Варенец – в зависимости от настроения – как раз блюдёт с подоконника. Подожди, Варёк, сейчас накормлю. Дай только с лужей разобраться.

Пару раз окликнув Добрыню, но, естественно, не получив ни приветов, ни ответов, я отыскивал лопату, намертво вросшую в слежавшийся снег напололам со льдом. Расшатать и выдернуть инструмент с наскока не получилось. Потом ещё раз... и ещё – не получилось. Эх! Видно судьба луже и дальше красоваться перед домом.

С досады я со всей силы пнул по черенку ногой, и, в тот же момент, не удержавшись, поскользнулся на опорной ноге и поехал лбом вперёд на возвращающийся после удара черенок. Встреча «в верхах» прошла успешно. В смысле встреча моего лба и верхушки лопаты – встретились. Проклятая лужа! С неё всё началось. Аж в глазах какая-то пелена образовалась, и ноги задрожали, как будто землетрясение случи-

лось. А вокруг всё темнеет и темнеет. Вот приложило-то!

Последнее что запомнилось – как я успел ухватиться за злополучный черенок, который, не выдержав всех испытаний, выпавших на его долю, и с сухим треском обломился где-то на границе льда.

Глава 1. Блюдечко... с каёмочкой

– Фу, Добрыня! Фу!!! Да отвали же. Хватит меня уже вылизывать!

Пёс, из лучших побуждений мало того, что облизывал мне всё лицо, так ещё и обмусолил, попутно воротник куртки. Хотя куртку всё равно теперь в чистку отдавать – я умудрился плюхнуться в самую грязь, до полной кондиции замешанной собачьими лапами. У, треклятая лопата! Чтоб ты сторела, провалилась и покрылась плесенью. Фиолетовой... в крапинку.

Не глядя, через плечо, я ткнул в сторону лопаты весьма неприличный интернациональный жест. Тот самый – из кулака и среднего пальца. А заодно уж, не разжимая комбинации, и в сторону первопричины – лужи. Что б тебе вскипеть и камышами порости!

О-хо-хонюшки! Хватит разлёживаться. Кряхтя, как столетний дед, я с трудом поднялся с земли, заодно пытаюсь нащупать на лбу последствия встречи с лопатой. Последствий не было, по крайней мере, физически ощутимых. Ни шишки, ни ссадины не нащупывалось. Зато одно последствие прямо вопило о себе и заставляло усомниться в том, что я уже пришёл в норму – кошка, которая так и сидела на подоконнике, но при этом вытаращила глаза «по семь копеек» и недвусмысленно вертела лапой у виска.

Я застыл. Куснуть себя за ладонь, что ли? Ай, зараза! Больно же! Ну и кто тут не в своём уме?

Я снова поднял глаза к окну, только Варежка уже покинула наблюдательный пункт и скрылась из виду. Ладно, спешем на воображение.

Однако машину-то я не закрыл. А сколько провалялся – вообще не понятно, хотя, судя по всему, не очень долго. Всё желание окунуться в детские забавы куда-то пропало. Возможно отправилось вдогонку за хорошим настроением. Неспешно обходя вокруг дома, я нашарил в кармане брелок с ключами от машины и в очередной раз замер.

Машины не было... не было видно.

На абсолютно сухой площадке перед домом, из потрескавшейся как после недельной засухи земли, сплошной стеной стояли заросли двухметрового рогоза, правда с поникшими, будто подмороженными или ошпаренными кипятком листьями. Ошпаренными?! Я бросился назад. И, кажется, уже представляя, что увижу, совсем не удивился, увидев на том месте, где стояла лопата обугленно-закопченную дыру в земле, из которой торчало нечто весьма отвратительное на вид фиолетового цвета с редкими жёлтыми вкраплениями.

Приплыли.

Заниматься повторно членовредительством не хотелось. Поэтому, ни кусать, ни щипать я себя не стал. Не говоря уж о более радикальных мерах – например, молотком по пальцу.

И так всё вокруг было абсолютно реальным. Ни в одном сне или обмороке такой чёткости и ясности не бывает. Вон самолёт летит – инверсионный след чуть сносит ветром, синица тинькает – что-то припозднилась, Добрыня сидит в двух шагах от меня – пасть раззявил в собачьей улыбке, глаза хитрущие: «Давай, хозяин, в мячик поиграем, а?!».

– Эх, Добрыня, Добрыня! Ты-то что молчишь? Не видишь – с хозяином чёрт-те что творится?

– А что, сразу, Добрыня? Я, может, сам ох... офигел?

Это стало последней каплей. Всё – я сдаюсь. Уже согласен, что у меня была волшебная лопата, сломав которую я могу осуществить любое своё желание. Вот сейчас как проверю! Так-так... Хочу миллион долларов! Нет, миллион мало – хочу десять миллионов долларов!!!

Тишина.

Может, я как-то неправильно желаю? Или желание уже исполнилось? Вдруг в каком-нибудь суперинвесткредитакционерном банке на моё имя сам собой открылся счёт (надеюсь не кредитный под сто процентов годовых), на котором и лежат сейчас мои миллионы? А если вот так – хочу десять миллионов долларов сейчас же, вон там под яблоней. В зелёном чемодане. Чемодан на колёсиках... с выдвижной ручкой. Доллары в нём аккуратными пачками. А лучше евро. Такие новые сотенные бумажки по тысяче штук в каждой пачке... Ну! Давай, появляйся уже!

Есть такая хижина у индейцев... Причём сразу без кры-

ши. От рождения. Почему-то вспомнился Александр Иванович Корейко, который в ранней молодости хотел найти кошелёк в сточной канаве. И далее по тексту – миллион на блюдечке с золотой каёмочкой.

Я оглянулся. Дыра от лопаты никуда не делась. Более того – фиолетовая плесень потихоньку начала выползать через край, но, столкнувшись с яркими солнечными лучами, нерешительно замерла на месте. Что ж. Сложим два плюс два. Получается три – три желания, или чуда – как будет угодно. Лопата – раз, лужа – два, собака – три. Кстати, собака!

– Добрыня, иди ко мне! Ау! Чемоданчик!..

Не тут-то было. Опять куда-то улепетнул. Да если бы и на саамам деле смог разговаривать – вряд ли бы сам побежал прятаться.

В общем, поймал старик золотую рыбку, зажарил её и съел. Да ещё потом неделю плевался – уж больно костлявая оказалась. Так и я свои три желания профукал. Не знаю уж, какими там законами физики-химии-биологии руководствовалась моя лопата, но, видимо, как говорят фантасты-фэнтезийщики, «маны» у неё хватило только на три выстрела.

* * *

Проблема с камышом, то бишь с рогозом решилась просто. Видимо лужа настолько сильно кипела, что несчастные растения сварились на корню. К тому моменту, как я опять

показался из-за дома, он весь уже опал, и устилал дно бывшей лужи, которое, впрочем, уже опять было наполовину заполнено водой. Хорошо ещё никто из соседей не видел. Тут явно даже ГМО отдыхает, не говоря уже об Иване Владимировиче. Который Мичурин. А так – лежит себе и лежит что-то в луже – может это я сам прошлогодних былок на ближайшем пруду нарезал, чтобы лужу загатить.

Противнее всего было то, что я уже ничему не удивлялся, а принял как нечто само собою разумеющееся. Совсем не обидно было бы, если всё произошедшее было бы бредом, сном, потерей сознания от удара по голове. А так – вот выпал мне почему-то такой уникальный шанс, а я его прошляпил. Интересно – если бы я знал про три желания – то что бы загадал? Банальные десять миллионов? Мир во всём мире? Нескончаемую бутылку/банку/крынку с живой водой и молодильными яблоками? Что уж теперь гадать... Я слонялся по двору, словно в ожидании нового чуда, всё ещё не решаясь зайти в дом. Блин! А у меня там кошка не кормлена... Ну может ещё разочек, а? Где вы там космическо-параллельно-потусторонние силы, ау!

С досады я наподдал носком ботинка песчаный холмик. Песок, на мгновенье взлетев, тут же присыпал место упокоения лопаты. В ответ на сие действие загадочная плесень фукнула сиреневым дымком и осыпалась обратно в яму. Естественно, не оставив после себя никаких следов. Вот я тупой! Может хоть новый вид плесени удалось бы открыть... Хотя –

какой из меня биолог? Ну, сказали бы учёные спасибо в каком-нибудь НИИ, и что? А может и не в НИИ, и не спасибо, а суровые дядьки в штатском серьёзно бы интересовались – к какого возраста я начал интересоваться особо опасными биологическими отравляющими веществами.

Всё, хватит на сегодня. Пора кормить зверинец, включая себя любимого, отдать положенные пару-тройку часов дани зомбиящику, и – спатеньки.

* * *

Засыпалось плохо. Где-то на границе между сном и явью надоедливо болталась мысль: «А вот если бы... А может вот так попробовать...». Всё произошедшее в конце дня совсем перестало казаться нереальным, и в то же время, гулко топя пульсом в висках, припёрлась огромная жаба с целью немного подушить и поиздеваться над упущенными возможностями. В те же редкие минуты, когда сон, наконец, брал верх, мне мерещились зелёные чемоданы, плешивыми пятнами покрытые жёсткой, похожей на шерсть фиолетовой плесенью. Чемоданы активно отращивали паучьи лапки и огромные жвала, и устремлялись, слава Богу, мимо меня, в атаку на заросли рогоза, заполонившего всю нашу улицу, насколько хватало глаз. Причём, вместо листьев у рогоза росли невероятно вытянувшиеся, но при этом – я знал это – самые настоящие буржуйские денежные знаки, имеющие хождение

по обе стороны атлантического океана. Я попытался остановить это безобразие, схватив лопату с целью разогнать чемоданы, но мои ноги тут же провалились в яму, до краёв наполненную почему-то не плесенью, а (вот ужас-то!) гречневой кашей со шкварками. Учítывая, что я гречневую кашу терпеть не могу... уфф! Я попытался вылезти из ямы, используя вместо опоры многострадальный черенок. Выбраться-то мне удалось, только лопата, издав на этот раз не треск, а какой-то жалобный стон, разлетелась щепками по всему двору, причём как металлическая, так и деревянная её части.

Один – самый маленький чемоданчик, отстал от стаи и жалобно тёрся о мои ноги. Лапы у него были совсем не паучьи, а скорее кошачьи, а маленькие, совсем не страшные жвала терялись на фоне огромных зелёных и очень жалостных глаз. Я подхватил его на руки, прижал к себе... и проснулся.

Четыре здоровущих круга со светящимися зелёными ободками паялились на меня откуда-то с высоты шкафа. Не успел я облиться холодным потом, как сообразил, что спросонья принял за неведомое четырёхсветящееглазое чудовище электронные часы, как раз стоящие на шкафу и показывающие ровно полночь. Обычно я их отключаю с вечера пятницы до вечера воскресенья, но сегодня, со всеми этими чудесами совершенно об этом забыл.

Чемоданчик из сна тоже вполне ожидаемо трансформировался в Варезку, которая пригрелась у меня на груди. Видимо кошка почувствовала состояние хозяина, и пришла по-

своему – по-кошачьи помочь и успокоить, полежав на груди и промурчав колыбельную песенку. Я благодарно погладил серую по спинке, вызвав некоторое повышение муркогромкости, и снова начал проваливаться в сон. На этот раз без чемоданов и прочей чепухи.

* * *

Следующее пробуждение было гораздо более спокойным. Если что-то и снилось, я совершенно об этом не помнил. Часы показывали начало четвёртого. Все вчерашние события уже казались какой-то неудачной шуткой, а то и вообще приснившимся кошмаром. Варька куда-то свалила, и мне стало зябко. Повернувшись на бок и закутавшись в одеяло, я совсем почти уже заснул, как где-то на грани слышимости прорезались голоса. Хоть я и был в доме один, не считая четырёхлапых обитателей, в ночной тишине можно было услышать беседу прохожих с улицы, поскольку дом отделил от тротуара очень узкий – не больше двух метров палисадник. Немного необычным было то, что если один голос был явно мужской, то второй однозначно принадлежал маленькому ребёнку. А точнее – девочке лет пяти-шести. Вот, блин, взрослые – в такую рань, или, ещё хуже – поздноту, ребёнка по улице таскают. Хотя, какое мне дело – может они с поезда ночного слезли. Между тем голоса не удалялись. Ну, вот ещё не хватало – у меня под окнами болтать. Шли бы

уже домой – ребёнку спать пора. Вставать и смотреть, кто это там под моими окнами обосновался, совсем не хотелось. Но и сон окончательно улетучился. Я прислушался, но голоса всё равно сливались в один общий гул, и слова разобрать было сложно. Причём если звонкий девчачий голосок произносил что-то почти на грани распознавания, то басок разобрать было практически не возможно. До полного счастья мужской голос показался мне до боли знакомым, хотя я, убей, не мог вспомнить, кому он принадлежал.

Я напрягся ещё сильнее, прислушался, казалось бы, до боли и звона в ушах. И тут в них самых, ушах, то есть, что-то звякнуло, в мозгах (многострадальная моя голова) что-то щёлкнуло, и я понял, где я слышал мужской голос. Добрыня!

В тот же благословенный миг мой слух обострился, наверное, в десять раз...

– Во-вторых, в это время у людей самый крепкий сон, – детский голосок – стопудово Варезка.

– А в третьих? – это Добрыня.

– Есть в третьих. Я его почти три часа усыпляла.

– А в-четвёртых, конспираторы, – пришла и моя очередь подать голос, – я уже не сплю! Слышишь, Варенец, ну-ка чеши сюда. Говорить будем...

Через несколько секунд тишины, я уж испугаться успел – а вдруг опять ошмыг выйдет – раздался характерный звук мягкого прыжка (скорее всего с подоконника) и мягкий топоток кошачьих лапок по полу. Серая задрыга вспрыгнула ко

мне на кровать, встала передними лапами ко мне на грудь, и вопросительно уставилась мне в глаза.

Я же, подготовленный вчерашними событиями вообще к чему угодно, машинально гладил кошку и млел от счастья – ЧУДО, оно всё же существует!

Глава 2. Менеджер континуума

– Ну, рассказывай, – я, наконец, собрался с мыслями и приготовился выслушивать весьма интересную информацию.

– А чего рассказывать-то?

– Эй, эй! Меня тоже возьмите! – Судя по мелькавшей тени за окном, собак умудрялся в нетерпении подпрыгивать выше подоконника.

Пришлось вставать и топтать по холодному полу к входной двери. Кошка решила, что на кровати ей будет лучше и осталась. Я вышел на веранду и с наслаждением вдохнул запах настоящей весны. Открыл входную дверь. Добрыня, до этого приплясывавший на ступеньках, ткнулся холодным мокрым носом мне в руку и сунулся в дом.

– Стой! Куда ты ломишься? – Варешка всё же соизволила присоединиться к нам. – У тебя лапы грязные.

Добрыня замер и виновато завилал хвостом. Я же изумлённо уставился на кошку – вот уж не подумал бы, что её это будет волновать в первую очередь.

– Ладно, чего уж там – всё равно завтра убираться. Пойдём на кухню. – мне так приспичило побыстрее разобраться в происходящем, что обращать внимание на такую мелочь как грязный пол совсем не хотелось.

Мы переместились на кухню. Варька в два прыжка за-

бралась на своё любимое место – на самый верх кошачьего комплекса, который я в порыве рукодельности соорудил ей как то длинными новогодними праздниками. Добрыня сунул, было, нос в кошачью миску, но получил сверху недовольное «пф-ф-ф» и разлёгся на тёплом полу поближе к холодильнику. Я присел на диван.

– А вы, правда, разговариваете? – глупый, в общем-то, вопрос, но, как то сам собой сорвался с языка.

– Нет, – Варька завозилась, поудобнее устраиваясь на своём насесте. – Мы транслируем. Если хочешь, можешь назвать это телепатией, только это не совсем верно. Мыслей читать мы не можем. Это как разговор «про себя». Просто надо чётко понимать, к кому ты обращаешься, и громко промыслить то, что хочешь сказать. Ты, кстати, тоже так можешь.

– Вот, ёктель! А я точно не съехал с катушек? – кошка с собакой молча переглянулись. – То есть лопата всё же была волшебная?

– Причём тут лопата?

– Ну как – я стукнулся, она сломалась, потом плесень, камыш, вы вот...

– Всё немножко не так. Вернее совсем не так. Ладно... наводящие вопросы у тебя не получаются, поэтому я попытаюсь рассказать, как сама понимаю произошедшее.

Кошка рассказывала больше часа, а мы с Добрыней слушали её не перебивая и даже, по-моему, не шелохнувшись. У меня-то точно затекла спина, да и со стороны холодильни-

ка не доносилось ни одного шороха.

Если коротко, то ситуация складывалась примерно так: Добрыня, роясь на огороде, откопал неизвестную штуковину. Как она выглядит и каким образом попала к нам – непонятно. Может миллион лет пролежала, или зелёные человечки из космоса вчера подбросили, или ещё что... Самое главное, что когда пёс, тогда ещё просто пёс, попытался ухватить её зубами и вытащить на поверхность, она как-то активировалась и начала своё чёрное дело.

Видимо в программу этого артефакта было заложено нечто, позволяющее обнаружить в определённом радиусе живых существ, способных, или почти способных к восприятию и усвоению необходимой информации. В общем, эта субстанция нашла сначала Добрыню, потом птиц (которые, впрочем, не соответствовали необходимым характеристикам), следом добралась и до кошки. Поскольку информационная база была рассчитана на троих потенциальных реципиентов, а в округе больше никого не наблюдалось, эта штуковина затаилась и стала ждать. Дождалась. Меня естественно.

Как оказалось, артефакт не просто передавал какие-то знания и умения, но ещё и улучшал естественные возможности каждого организма. Насколько я понял, моим зверикам не просто добавилось извилин, но и передались такие способности, которым могли бы позавидовать многие светила современной научной мысли. Варёк, например, полу-

чила какие-то невысказанные энциклопедические знания, причём некоторые из них она даже не знала куда можно применить и способности прецизионного прогнозирования (это не я сказал – это она сама так выразилась). Добрыня же получил какой-то загадочный Поиск, что, как заявила серая, просто соответствовало его собачьей сущности и было значительно расширено. Что касается меня, то...

Когда Варезка выразилась, или, вернее, обозвала мои новые способности, я даже в недоумении помотал головой – Менеджер Континуума.

– Менеджер... это как?

– А что, здорово мы название придумали? – Добрыня радостно завилял хвостом.

– Ах, так это вы придумали! – за свою сознательную жизнь я сменил несколько видов деятельности, вот только от гордого звания «менеджер» бежал, как от огня. Хотя в этом слове и ничего постыдного нет – переводится-то оно с буржуйского, как «управленец», или «управляющий», но в нашей стране его опозлили донельзя. Как вам такое – менеджер клининга... или – менеджмент муниципальной ассенизации. Хуже него только название профессии из полузабытых советских времён – обсерватор спичек. Между прочим, в государственном перечне рабочих профессий вычитал. И вообще – по-моему, в кошке проснулась тяга к чересчур заумным выражениям.

– Ну, знаешь ли, – в голосе Варезки явно слышалась оби-

да, – называться магом в этой реальности, по-моему, смешно. И даже глупо.

– А что, есть и другие реальности?

– Не знаю, – кошка почесала лапой за ухом. Учитывая её нынешний уровень интеллекта, выглядело это, по меньшей мере, странновато. – Я так понимаю, что наши способности ещё пока до конца не раскрылись... или не усвоились. И вообще – это вопрос не ко мне, а к Добрыне. Он у нас поисковик, вот пусть и ищет.

– Так, стоп! – до меня наконец-то дошёл смысл происходящего, – то есть я теперь волшебник? Всамделишный?

– Ну, если тебе так хочется... – Добрыня опустил морду на лапы и с присвистом вздохнул, – а мне очень нравится менеджер-р-р.

– Слышишь, ты, бернский искатель, – дурацкое название уже начало меня злить, – а давай я тебе тоже кличку придумаю новую. Какой-нибудь Гугль Яндексович, а?

– А мне всё равно. Лишь бы пожрать давали. Кстати, мясо на ужин с душком было...

– Ладно, клуб юных филолухов, проехали. Вот скажите лучше – если я такой крутой, то почему вечером у меня ничего не получилось?

– А что ты вечером хотел-то?

– Ну-у... – я как-то сразу застенялся, – денег хотел.

– Много?

– Много, – я почувствовал, что уши стали малиновыми

и вот-вот задымятся, – десять миллионов. Евро.

– Мр-р-р-р... Так захоти, что ли, ещё разок.

– Хочу!

– И? – теперь в голосе кошки явно слышался сарказм.

Добрыня тоже заулыбался.

Да что вы, издеваетесь, что ли братья меньшие? Вот здесь.

И сейчас же! Без всяких чемоданов! Куча денег. Любых.

Ну же!!!

Мой зверинец, уже не сдерживая себя, ржал на два голоса.

– И чего такого смешного-то?

– Просто пока тебе, как начинающему *вошебнику* нужно мануальное подтверждение желания. А то пожелаешь чего-нибудь такого, что потом и сам не рад будешь. Например, пошлешь куда-нибудь кого-нибудь. Дошло?

Моё воображение очень живо нарисовало мне соответствующую картинку. Аж передёрнуло всего.

– Дошло... И какое же именно мне подтверждение изобразить?

– А то самое, которое ты первым и зафиксировал, когда очнулся.

И тут до меня дошло окончательно. Ещё раз попытавшись представить себе кучу денег, что получилось весьма абстрактно, я сложил нужную комбинацию.

Сразу же что-то чпокнуло под потолком, и на меня, и вокруг, как на незабвенном воландовском сеансе полетели-запахали разноцветные бумажные прямоугольники, забива-

ьясь во все щели. Но большая часть всё же собиралась у меня под ногами, и, когда я уже стоял буквально внутри «финансовой пирамиды», засыпавшей меня до пояса, деньги перестали сыпаться. А я всё стоял и тупо смотрел на свалившееся на голову богатство и держал не разжимая самый неприличный из интернациональных и самый интернациональный из неприличных жестов.

* * *

Спать совершенно не хотелось. И как тут заснёшь при таком-то богатстве? Да – тьфу на него – богатство. Это ж какие возможности открываются! И тут одна неприятная мысль проклюнулась через хаос остальных.

– А скажи-ка мне, Варь, сколько ещё таких как мы землю топчет?

– Нахождение на планете второго подобного артефакта можно оценить как 0,000017%. А если таковой и существует, то вероятность его обнаружения вообще теряется в бесконечности.

– А откуда такая уверенность, да ещё и с такой точностью? Ты же сама не знаешь, с чем мы столкнулись.

– Ха, хочешь, скажу, сколько сегодня с 9—00 до 10—00 по Москве на землю попадёт солнечной энергии? С точностью до милливатта.

– Ты и это знаешь?

– Прогнозирую.

– Ну, хорошо, согласен. А просто так, других *менеджеров*, безартефактных нет?

– Просто так только кошки рождаются, – выразился Добрыня и показал Варьке длинный розовый язык. Варежка изобразила спинкогнутость и когтевыпускаемость. Хотя, как мне показалось, отношения между ними сложились скорее шутливо-дружеские, чем классические кошко-собаковые.

– Так вот, насколько *мне известно*, в настоящий момент никого, кто обладает такими способностями среди живущих нет.

– Как же так! – я озадаченно почесал макушку, – а как же законы жанра? То есть – где злодеи, с которыми нам предстоит сразиться, чтобы спасти мир? Чёрные колдуны там, оборотни, или пришельцы с кольцами всевластья? С какой-то целью мы-то получились такими, какие мы есть?

– А вот этого я не знаю, – сейчас и Варежка казалась озадаченной. – Будем надеяться, что это знание не всплывёт в самый неподходящий момент.

А Добрыня только согласно присвистнул.

* * *

На улице рассвело. Я посмотрел на гору денег, показал ей «жест», и она просто исчезла.

Кстати, какое бы этому жесту название придумать? А то

называть его исторически сложившимся словом язык не поворачивается... не литературно как-то. Ладно, пусть пока будет просто – жест. А там, глядишь, и совсем надобность отпадёт – что-то такое Варёк об этом говорила.

Чем бы таким заняться? Просто руки чешутся опробовать все мои возможности. Хотя, чует моя голова, серая хитроумность не зря такое название подобрала. Короче, холодная голова, горячее сердце и чистые... чисто исполненный жест. Ха!

С немалым трудом заставив себя отказаться от немедленных экспериментов, я за несколько минут накидал себе план действий на ближайшее будущее. Выглядел он примерно так:

– Выяснить, насколько хватает моих способностей. Есть ли какие-то ограничения по силе или длительности воздействия, нужно ли мне восстанавливаться после каждого успешного чародейства и т. д. и т. п.

– Пункт первый реализовать, желательно, без заметных и далеко идущих последствий.

– Придумать, как жить дальше.

Таким образом, «кто виноват?», мы худо-бедно прояснили. Осталось только выяснить «что делать?». К реализации первого пункта можно было приступать в любой момент. Но я очень серьёзно задумался над вторым. Первая эйфория уже прошла, и очень хотелось не наломать дров по неосторожности.

Ага, вот к примеру... Я сотворил себе кружку кофе с молоком и два горячих бутерброда – с копчёной колбасой и сыром, сверху присыпанных мелко порубленной зеленью. Бутерброды издавали такой аппетитный запах, что от холодильника, где лежал притихший Добрыня, донеслось жалостливое «У-ваф-ф!». Я покосился на пса и сотворил тазик с мелко порубленной говядиной.

Кошка изображала спящий режим.

Добрыня встал, понюхал предложенное угощение и неожиданно заявил:

– Ты бы, хозяин, это... кофе бы не пил, что ли.

Я покосился на кружку. Что-то мне кажется, или оттенок у напитка какой-то неправильный? Да и бутерброды уже не показались такими аппетитными. Вдруг я действительно сотворил что-то ядовитое?

– А что – что-то не так? – уж лучше в холодильнике порыться, чем сразу нарваться на второй пункт собственного плана.

Кошка приоткрыла левый глаз.

– Да нет, – Добрыня смачно зачавкал говядиной, – просто, говорят, он на здоровье плохо влияет.

Зверьё покатилося со смеху. Причём Варька чуть не свалилась со своего места, а Добрыня подавился и начал потешно откашливаться.

– Блин, шутники, перепугали! Вот так вам и надо! Будете знать, как надо мной потешаться.

– Ну, прости, хозяин, – Варешка потянулась, прыгнула на пол и присоединилась к собачьему завтраку.

– Кстати, что вы заладили с этим хозяином – как-то неприлично. Теперь, по крайней мере... Зовите по имени, что ли. Меня, между прочим Василием зовут, если кто не знает.

– Я знаю, – собак на миг оторвался от еды. – Во дворе слышал.

– Точно. Я буду звать тебя Васькой – типично котовое имя, – чувствовалось, что кошке всё ещё хочется поохмить.

– Ладно, зовите, как хотите, – я доел рукотворный, в прямом смысле этого слова, завтрак, и меня наоборот охватило сонливое блаженство. Может истощился какой-нибудь ма-номагический резерв, а может сказывался банальный недосып. – Пойду-ка я посплю пару часиков. Никуда от меня теперь ваш континуум не убежит.

– Не убежит, – философски согласился Добрыня, – а я, пожалуй, во двор пойду – жарко у вас тут.

– Подожди, я с тобой, – кошка закончила умываться и потянулась.

Я выпустил своих животных, закрыл дверь, и, добредя до кровати, провалился в глубокий здоровый сон.

* * *

Бабка Зинка была грозой всей нашей деревни и ещё двух соседних, давно сросшихся вытянувшимися вдоль дороги

улицами.

Во-первых, она знала всё и про всех, помнила по именам не только местных жителей, но и их родственников, проживающих на всей территории России и за рубежом. Ей были известны клички всех собак, кошек и прочей значимой живности посёлка. Ко всему, она была профессиональной сплетницей, работающей из чисто спортивного интереса, и получающей от этого огромное удовольствие.

Во-вторых, каким-то мистическим образом, она умудрилась промелькнуть в одно и то же время на совершенно противоположных концах селения. Правда и её звучный голос было слышно издалека, что позволяло, при необходимости, загодя укрыться от её пристального внимания.

В-третьих, постоянно у кого-то занимала, а у кого-то и просто так стреляла мелкие суммы. Вроде как рублей десять-двадцать и не жалко, но просила Зинка регулярно, отдавать не торопилась, и со временем набегала приличная сумма. Впрочем, у неё не стояло целью скопить ни на особый, ни даже на подержанный жигулёнок. На все добытые деньги бабка добросовестно покупала семечки, которые в невероятных количествах уничтожала с помощью оставшихся у неё четырёх зубов.

Ну, и, в-четвёртых, что прощало ей предыдущие три пункта, Зинка была первой, кто мог усмирить не в меру «употребившего» мужичка, любого из местных буйанов, и даже агрессивных подростков, замышляющих какое-нибудь

непотребство. По своей сущности она была скорее не злой, просто излишне крикливой.

Сегодняшним утром Зинке крупно повезло. Ей не пришлось далеко ходить за свежими новостями. Как раз за её забором, соседи, подозрительно озираясь, затеяли что-то явно преступное. Бабке было невдомёк, что люди, уже наученные горьким соседством с ней, озираются скорее машинально, даже просто проходя по своему огороду. Ну, а уж если вы собрались вскопать пару грядок под раннюю редиску – о, ужас! – раньше кого бы то ни было в деревне, то всё – туши свет, сливай воду!

Зинке было плохо видно сквозь щели забора – набухшие от весенней влаги доски почти полностью сошлись между собой, перекрывая обзор. Бабка совсем уже было расстроилась, но тут углядела вполне аккуратное отверстие, которое образовалось на месте выпавшего из доски сучка. Сплетница сместилась к вожделённой дыре, которая находилась аккуратно рядом с дворовым нужником, и, согнувшись и отклячив худой зад, приступила к сбору компромата.

Внезапно со стороны туалета послышался тихий треск, очень похожий на звук электрического разряда, какой бывает при коротком замыкании. Следом за ним Зинка услышала низкий, вибрирующий свист, который постепенно нарастал по громкости и по тональности. Пенсионерка в нерешительности замерла. Между тем подозрительный звук всё нарастал, и, через какое-то время застыл на особо неприятной

громкой и визгливой ноте. Бабка войну, конечно, не застала, но прекрасно понимала значение такого свиста.

Сплетница вышла из ступора и дернулась, было к дому – подальше от неведомой опасности, как неожиданно наступила тишина. «Ну, всё – Гитлер-капут!», – непонятно с чего всплыло в голове. И в ту же секунду раздался взрыв такой силы, что должен был, по идее, разнести не только нужник, но и половину деревни в придачу.

Однако ничего подобного не произошло. Зинка, не успев даже испугаться, с удивлением отметила, что после звукового удара она даже не оглушена, и продолжает прекрасно слышать даже самые тихие звуки из обычного сельского шума.

Между тем, чудеса не окончились. Во взрывоопасной кабинке кто-то завозился.

– Дети! – промелькнуло в голове. – Залезли, что-то взорвали, паршивцы! Господи, их же там поубивало нафиг!

На то, что аккуратно задвинутый внешний шпингалет так и остался закрытым, она не обратила внимания, а, бросившись к двери, рывком распахнула её, сорвав немудрёный запор...

За дверью стоял чёрт.

– Допилась! – первая мысль, как правило, бывает самая верная. Хотя на этот раз верной оказалась мысль вторая:

– Так я же не пью!!! Уже неделю как...

Пенсионерка застыла, хватая весенний воздух ртом. Нереальность происходящего была дополнена тем фактом,

что чёрт был одет в слепяще-белый костюм-тройку и белые туфли. Единственным цветным пятном в его наряде был розовый галстук, который, тем не менее, очень удачно гармонировал с розовым пяточком. Под мышкой правой руки нечистый держал белую же кожаную папку.

Пауза затягивалась. Чёрт же невозмутимо поправил очки в светлой, скорее всего платиновой оправе, интеллигентно откашлялся, и очень вежливым, хорошо поставленным голосом выдал вопрос, которого меньше всего можно было ожидать:

– Извините. Вы не подскажете, как пройти в библиотеку?

Зинка совсем уж ошарашено посмотрела на чёрта, и, после того как её лёгкие снова подружились с атмосферой, сумела выдавить совершенно неуместный ответ:

– А почему белое?

На что тот, мило улыбнувшись, сказал:

– Девушка, а вам не кажется, что в такую замечательную солнечную погоду это наиболее естественный цвет одежды? Я, конечно, понимаю, ваше удивление, но, тем не менее, позволю себе вновь побеспокоить вопросом о местонахождении библиотеки. Видите ли, я очень спешу.

– Там! – пенсионерка неопределённо махнула рукой куда-то вглубь соседских огородов.

– Благодарю покорнейше, – перехватив папку левой рукой, чёрт правой схватился за Зинкину руку и приложился крепким поцелуем, – счастливо оставаться.

После чего, он пошёл точно по направлению, указанному бабкой, каким-то непостижимым образом просачиваясь сквозь заборы, но при этом огибая деревья и кустарники. Несчастливая старушка смотрела ему вслед до тех пор, пока силуэт неожиданного визитёра не затерялся вдалеке.

Неожиданно заныло сердце, чего не было уже много лет. И тут же, дулетом, стрельнуло в правую ногу. Как раз в том месте, где три года назад был неудачный, долго сраставшийся перелом. Кое-как проковыляв два шага, Зинка прислонилась к своему злополучному строению. Мысли в голове крутились всё больше не радостные. О белой горячке, галлюцинациях, о том, что, вроде бы, при «белочке» человек не должен осознавать, что что-то не так... или это при сумасшествии?

В кабинке снова засвистело. Правда на этот раз басовито и не так громко. Пенсионерка, отчаявшись окончательно, крепко зажмурилась, но ожидаемого взрыва не произошло. Гул закончился каким-то мелодичным перезвоном, какой бывает на вокзалах перед тем, как будет произнесено какое-нибудь объявление. Осторожно приоткрыв один глаз, она тихонько заглянула в щель приоткрытой двери.

В кабинке стоял ангел. В его ангельской принадлежности сомнений не возникало – он-то, как раз в отличие от чёрта имел прикид, полностью соответствующий представлению об одежде небожителей. Да и крылья, сложенные за спиной не оставляли места сомнениям. Сомнение вызывало только

душевное равновесие Зинки, уже благополучно приземлившейся на пятую точку. Ангел же, с трудом протиснувшись в дверной проём – всё же крылья, даже в сложенном виде не очень-то проходили в косяк – обошёл вокруг двери и остановился перед сидящей бабкой.

– Вы тоже в библиотеку?

– Да. Спасибо – дорогу вижу. Коллеги, я смотрю, уже начали прибывать.

Ангел направился, было по стопам чёрта, но, внезапно остановившись, повернулся к хозяйке туалета-телепорта и покачал головой.

– Похвально-похвально, – сказал он, разглядывая Зинку, – то, что пить бросили – похвально. А вот за здоровьем следить надо. В вашем возрасте особенно. Вот, например, сердце..., сахар повышенный... – произнося это, ангел продёвывал в воздухе какие-то манипуляции кистью руки, – а вот это совсем уже никуда не годится. У вас, матушка нехорошая опухоль на месте перелома. Очень нехорошая... была. Вот так-то.

Зинка с удивлением отметила, что все неприятные ощущения куда-то испарились, словно их и не было вовсе. Более того – она почувствовала такой прилив сил, какого не ощущала уже много лет. Да что там лет – десятилетий.

– Спасибо, Господи! – крикнул он вслед уходящему ангелу. Тот остановился, повернулся.

– Не надо. Я – не Он. А вот их можешь благодарить, – ан-

гел махнул рукой куда-то в угол огорода, заросший малинником, и направился следом за первоприбывшим.

– Кого ещё «их», – пробормотала бабка, ковыляя к зарослям.

Открывшаяся в малине картина в любой другой день повергла бы в шок и человека с более крепкими нервами, но Зинка, только что прошедшая огонь и воду, медным трубам совсем не удивилась. За высокими колючими кустами обнаружили кошка и пёс Васьки, соседа, живущего через несколько домов. При этом зверюги не просто скрывались в малине, а покатывались со смеху, уморительно прижимая передние лапы к животам.

– А ну, брысь, окаянные!

Пёс с кошкой подхватились, при этом кошка вспрыгнула Добрыне на холку, вцепившись лапами в ошейник. Собак рванул к открытой калитке, притормозил возле неё, и, помавав на прощание хвостом – вверх-вниз, скрылся за забором.

Зинка поплелась в хату. На сегодня впечатлений было достаточно. Жаль только, рассказывать о них никому нельзя!

Глава 3. Шмокодявка, и не только...

Меня разбудил дверной звонок. За окном были уже вполне сформировавшиеся сумерки. Хорошо так поспал. Целый выходной из двух. Потом я вспомнил обо всех событиях и чертыхнулся. Какой выходной, какая, нафиг, работа! Да я теперь!..

Что «я теперь» додумать не удалось. Повторный звонок заставил меня вспомнить, что за дверью дожидается какой-то неожиданный визитёр.

Визитёр был не просто неожиданный, но и весьма странный. Не очень высокого роста, может подросток, худощавый настолько, что просторный плащ с капюшоном весьма, кстати необычного, явно не по последней моде покроя, не скрывал, а скорее подчёркивал его скелетообразность. Лица толком разглядеть не удалось – капюшон, сумерки и какая-то неестественно пышная (на языке вертелось слово «дикая») шевелюра.

В принципе, такого индивида можно было бы встретить на улице, но во всём его облике сквозило что-то настолько «ненашенское», что прямо-таки – ух!

«Началось», – подумал я скорее с облегчением. Что именно началось, и почему мне от этого потеплело на душе, я додумать не успел.

– Василий? – голос у незнакомца был самый, что ни

на есть обычный. Никакого скрипа, акцента и прочих потусторонностей не наблюдалось.

– Да.

– Меня зовут... кгм... Кормоед. Я к вам по делу. Разрешите?

– Да-да, конечно, проходите. – Я гостеприимно распахнул дверь и посторонился.

Незнакомец важно настолько, насколько позволяла его комплекция, прошествовал мимо меня на кухню. Следом шмыгнули мои звери, причём вид у обоих был такой шкодный, словно они поймали в лесу бегемота, спрятали его под лестницей, и ждут, когда он выскочит кому-нибудь под ноги.

Проследовав за визитёром, я обнаружил его сидящим на стуле и рассматривающим коробку с кошачьим кормом.

– Ой, простите, вы не голодны? – Спыхватился я.

– А? Нет-нет, спасибо, – незнакомец как-то смущённо почесал себя где-то в районе уха. – Как причудливы порой лингвистические совпадения. Вы знаете, что означает моё имя на моём родном языке?

– Каком именно?

– Не суть важно. Оно означает «ведущий путника» и отражает суть моей профессиональной деятельности. Имя же данное мне родителями я давно уже не употребляю, и оно, замечу, ещё менее благозвучно для ваших ушей.

– Ну, хорошо, уважаемый Кормоед. Так чем обязан вашему визиту?

Незнакомец (хотя, почти уже знакомец) призадумался, разглядывая меня из-под капюшона и густой гривы.

– А скажите, Василий, вы ведь недавно обрели способность манипулирования?

Ну-у-у... как вам сказать, – если он имеет в виду то, что случилось вчера... – да, недавно. – Осторожно ответил я.

– А простите за нескромный вопрос – сколько у вас уже было походов?

– Походов? – мне, почему-то представилась палатка, костерок, и песни под гитару.

– Ну, да, рабочих походов, – уточнил Кормоед.

– Да я как-то не особо туризм люблю. Комары там и всякое такое...

– Ай, оставьте, причём здесь туризм, – собеседник внешне запнулся, – позвольте уточнить, когда именно вы начали манипулировать?

– Если я правильно понимаю, о чём вы говорите, то вчера.

– О, гаррамаррабабуха! Как же мне не везёт! Один свободный манипулятор на целый сектор, и тот вчера инициировался!

– Простите, уважаемый, я вполне сочувствую вашему горю, но, честно говоря, сам ещё слабо понимая происходящее.

– Ну, ещё бы! – мой собеседник совсем сник, казалось, что он сейчас расплачется. – Особенно учитывая, что вы живёте в одном из изолированных миров, в этом нет ничего удиви-

тельного.

– Ну, так, разизолируйте, хотя бы меня.

Кормоед опять взял короткий тайм-аут, повесил голову и пару минут просидел так, что-то бормоча себе под нос. Потом решил.

– Хорошо. Скажите, Василий, сколько рас населяет ваш мир?

– Рас? Сейчас посчитаю... Европеиды, азиаты...

– Нет-нет, не рас людей, а рас Рас?

– Тогда одна – люди. Ну, может дельфины ещё...

Кошка, примостившаяся на диване, презрительно фыркнула.

– Так вот, я, на самом деле совсем не человек. Я – гоблин. Один из представителей миллиардов рас заселяющих континуум.

Слово «континуум» мне совсем не понравилось. Кошка опять фыркнула, на этот раз – ехидненько так.

Гоблин наконец-то откинул капюшон и двумя пятернями разгрёб свои патлы, заправив их за нормального размера, но, при этом островерхие зелёные уши. На меня уставились ярко-фиолетовые глаза с вертикальными зрачками, как-то не очень сочетающиеся с зеленоватым цветом кожи. Больше ничего особо необычного в его облике не наблюдалось, хотя, может у него на голове даже рожки растут – кто их разглядит под такой мочалкой.

– И как вам? – я пожал плечами.

– Гоблин как гоблин. Что я гоблинов не видел.

– Где? – напрягся он.

– Да мало ли. В кино, в книгах...

– А-а. Спонтанно проникающий фольклор. Бывает. Я так понимаю, что и ваши спутники получили свои способности вместе с вами.

– Чуть-чуть раньше. На пару часов, – влез Добрыня.

– И при этом, уже успели ими воспользоваться, да? – Кормоед погрозил пальцем. – То-то некая человеческая особь по имени Бабазина в церкви поклоны весь день бьёт...

Звери явно смутились.

– А вы откуда знаете? – кошка решила поотпираться.

– Профессия такая. Ну, и какая-никакая способность имеется. Ну ладно – это вы сами между собой разбирайтесь... Так вот, дорогой мой Василий...

Гоблин начал ликбез, а я жадно впитывал информацию, вполне обоснованно подозревая, что она мне весьма и весьма пригодится.

Как оказалось, мы все существуем в некоем континууме, который раскинулся как в пространстве, так и во множестве измерений. Ну, уж этому я не удивился совсем. Если уж научный мир склоняется к такому выводу, то многочисленные писатели всю его «понаоткрыли» и поназаселили.

Множество разумных рас и существ заселяет миры и планеты континуума, для удобства разделённого на сектора – некий объём пространства, включающий все исследованные

измерения материальных миров. Живут себе, размножаются, взаимодействуют между собой и друг другом. Есть и изолированные миры – как наш, например. Либо далеко находятся, либо местные жители ни в дальний космос не вышли, ни особыми способностями различных перемещений не обладают. А если ещё и для других обитателей континуума эти миры интереса не представляют, то изолированными они могут оставаться бесконечно долго. Так – редкие исследователи, да случайные туристы. Сознательно на глаза изолятам они не лезут, а если уж контакт и произошёл, то остаются в сказках, мифах, преданиях – в фольклоре, в общем.

Кормоед оказался представителем довольно распространённой расы гоблинов, у которых была способность видеть «короткий путь» и чувствовать эмоции разумных существ. Это делало их незаменимыми проводниками между измерениями. И дорогу найдёт, и под настроение клиента подстроится. А если клиент всё же где-то потеряется, то благодаря второй способности сможет без проблем его найти. Наш же визитёр обладал ещё и довольно редкой способностью чтения инфосферы. Что это такое я не знаю, но, подозреваю нечто аналогичное Варькиным умениям.

Рассказал мне гоблин и про таких как я. Оказывается, я своего рода уникал. Точнее вся наша десятиногая тройка – ваш покорный слуга, Варька и Добрыня. Таких групп существует, хорошо, если одна на триллион разумных. Как образуются такие команды, не знает никто – просто не было,

а вдруг стало. Умные головы подозревают, что сам континент способствует их возникновению, дабы облегчить жизнь остальных своих обитателей. Такие как мы могли заниматься всем – от помощи в высокотехнологичных производствах, до выполнения различных щекотливых заданий по поручению правительств. Хотя, о случаях возникновения подобных команд на изолированных мирах никто ещё не слышал. Если таковые и были, то, скорее всего, заделывались на своей родине мелкими, а может и крупными божками и никуда от туда своего носа не совали.

Нас же Кормоед обнаружил совершенно случайно. Ему как раз попался заказ по сопровождению какого-то ВИПа, которому позарез, а главное срочно нужно было попасть соседний сектор. Проводники ходили между секторами, но даже самый короткий и при этом доступный им путь всё равно был как бы обходным и занимал, как правило, очень много времени. А клиенту приспичило срочно. Можно бы рискнуть напрямик, через, как выразился гоблин, «серую область», но она, область эта была очень капризной и, чаще всего путь оборачивался такими приключениями, что никак не оправдывало риска.

Гоблин решил потратить толику драгоценного времени и попытаться нанять манипулятора с командой.

Слово «нанять» мне понравилось.

Но в инфосфере не оказалось данных о свободных командах наподобие нашей, и гоблин на свой страх и риск решил-

ся самостоятельно штурмовать серую область. И тут – о, чудо – на первом же граничном мире Кормоед почувствовал, что если сделать всего два шага в сторону от Пути, то он буквально столкнётся со мной любимым. Причём оба этих шага были по какому-то «синему» коридору.

Ну, и в заключение: «Не будет ли столь любезен многоуважаемый джинн...»

Хм-м. Джин-то может и любезен.

Гость почувствовал мои колебания.

– Вы можете совсем-совсем не беспокоиться. Самое страшное, что может случиться – это задержка в пути, но это уже мои трудности.

– А ничего, что мы ещё никогда и никуда? Да и вообще, можно сказать вчера родились?

– Нет, что вы. Основная задача останется за мной. Вы же, так скажем, тяжёлая артиллерия на случай внезапной осады.

Я вопрошающе посмотрел на зверей. Варька изобразила полное безразличие, типа, решай сам, а вот Добрыня еле заметно помотал головой в отрицательном жесте.

– Ну, допустим, – осторожно начал я...

– Благодаритель! – Тут же расцвёл гоблин. – Спасибо! Буду очень признателен.

– «Спасибо» мясом не пахнет, – буркнул пёс от холодильника.

– О, как можно! Моя благодарность вам не будет иметь границ!

– Нет, уж, – Варенец повернулась на спинку и поиграла мячиком, привязанным на нитке к её комплексу. – С границами надо сразу определяться. У нас, знаете ли, теперь всё есть.

– А как насчёт вот такой штуkenции? – глазки гоблина хитро сощурились. Он порылся в недрах своего плаща и выудил аккуратный матерчатый мешочек, стянутый у горловины кожаным ремешком. Аккуратно развязав узел, он высыпал на ладонь горсть радужно переливающихся полупрозрачных шариков, размером с лесной орех. Я, даже ещё не зная, что это такое, попытался намагичить их копии на столе. Ан, фигушки.

Кормоед скорчил сочувственную мину.

– К сожалению, пу`тинки просто так создать не возможно. Когда вы начнёте путешествовать по континууму, сами убедитесь в том, что достать их весьма и весьма затруднительно.

– И в чём же ценность этих ваших путинок?

Гоблин прочёл ещё одну лекцию, правда, короткую. Дело в том, что во время шагов – переходов между мирами, измерениями, планетами – да-да, с планеты на планету тоже можно шагнуть, если знаешь как – путешественник в качестве платы за переход теряет одну из своих уникальных способностей. Ненадолго – всего одни местные сутки. И не всегда. Существует три типа коридоров – синий, зелёный и оранжевый. Если путешествовать синим коридором – плата не взимается. Если зелёным – теряется одна способность. В тре-

тьем случае можно потерять от двух, до всех способностей, если они у вас, конечно есть. Правда тройки манипуляторов и здесь урвали свой кусок халявы. Континуум считал их за одно целое и лишал способности кого-то одного из команды.

Так вот путинки при использовании необратимо разрушались, но понижали цену перехода на один пункт.

– Подумаешь, – Добрыня продолжал разыгрывать из себя скептика, – ну посидим сутки в каком-то мире.

– А если планета с ядовитой атмосферой? – не сдавался гоблин.

– Наколдуем купол.

– Силой тяжести в сто земных?

– Васька какие-нибудь штуки всё равно намагичет.

– И сутки на ней длятся сто ваших лет...

– Ладно, Добрыня, хватит, – я решился. – Сколько?

– Десять путинок, и, поверьте, это очень хорошая...

– Двадцать. – Варёк включилась в торги. – И во время совместного похода они же за ваш счёт.

– По рукам! – судя по довольному фейсу гоблина, это он ещё легко отделался.

– Да, кстати, а где клиент-то?

– В гостинице в пограничье, – Кормоед легкомысленно махнул рукой. – Что ему там делается.

Вот так мы и собрались в поход. Хоть у меня и было какое-то неприятное предчувствие, но я списал его на об-

щую необычность обстановки. Зверики же, когда решение было принято, совсем перестали забивать себе голову всякой ерундой.

* * *

– Собачку потренировать не желаете?

Мы стояли за домом, чтобы наше отбытие было не заметно с улицы. Лёгкий ветерок вновь спутал гоблинскую гриву, и даже голос проводника казалось, пробивался сквозь войлочный заслон. Меня же откровенно знобило. Надеюсь, что только от холода.

Пёс обиделся. Недвусмысленно приподнял заднюю ногу над краем плаща Кормоеда.

– Добрыня, как тебе не стыдно!

– А чего он тут пальцы гнёт?

– То есть, ты хочешь сказать, что вот так, с первого раза...

Добрыня повернул морду к гоблину:

– Куда?

– Первый шаг – Айхор свободный выход, второй – Шмокодявка-34. В координаты, – гоблин достал из кармана листок, сверился, – 2335.015.0097.

Собак плюхнулся на хвост, зачем-то потёр нос передней лапой, посмотрел направо, на курятник, потом налево, встал, отряхнулся и припустил назад – в сторону дома. Мы рванули следом.

Бег наш получился каким-то странным. Вроде бы и двигались резво, но продвигались на каждый шаг не больше, чем на пять-десять сантиметров. Так что столкновение со стеной нашей компании явно не грозило.

Поступательное движение по отношению к обычному пространству вскоре и совсем прекратилось. Мир вокруг нас замер, как будто отделённый прозрачной, но непроницаемой стеной. А откуда-то спереди показался синий огонёк, который всё приближался, и, наконец, ворвался в окружающее нас пространство, затопив всё пронзительным ультрамарином. Исчезло всё, кроме нашей живописной группы. Синь сверху, снизу, со всех сторон...

Добрыня попытался притормозить, но, поскользнувшись на неведомой поверхности, не удержался, и, раскинув все четыре лапы в своеобразный собачий шпагат, медленно вращаясь, проехал на пузе ещё с пяток метров.

Мы приблизились к псу.

– И что? – я ухватил его за холку и помог подняться – поверхность явно было с низким коэффициентом трения.

– Ждём.

Гоблин и Варёк хранили невозмутимое молчание.

Буквально через пару секунд перед нами белым контуром прорезался прямоугольник, величиной с обычную дверь. Добрыня подошёл к одной из сторон прямоугольника и поскрёб когтями прямо по образующей его линии.

– Кто там? – раздалось из-за двери.

– Это я, почтальон Печкин, – ответ пса изумил, в первую очередь, меня.

– Пароль? – не унимался неведомый привратник.

– Гав-гав и три зелёных свистка, – отрапортовал собак.

– Ваша собака очень оригинальна, – прошептал мне Кормоед.

– В чём дело?

– Видите ли, в настоящий момент, нас просто переносит в другую точку континуума. А уж как это будет обставлено визуально, зависит только от ведущего.

– А синяя заставка вокруг...

– Означает, что мы идём именно синим коридором.

Добрыня, наконец-то, договорился с невидимым оппонентом, и белый прямоугольник трансформировался в обычную дверь. Пёс с хитринкой покосился на гоблина и приглашающе мотнул головой – мол, давайте, проходите. Тот взялся за ручку, распахнул дверь, и мы шагнули в новый мир...

* * *

– Этого не может быть! – В голосе Кормоеда преобладал благоговейный ужас.

– И куда ты нас привёл? – Напустился я на пса.

– Куда-куда. Куда просили, туда и привёл – Добрыня излучал такое довольство, что захотелось скормить ему килограмм лимонов. Или центнер. Я уставился на гоблина.

– Да-да. Мы пришли правильно...

– Так что ж тогда...

– Но мы прошли за *один* переход. Один. Вместо двух. Так не бывает!

– Теперь бывает. – Добрыня деланно-равнодушно пожал плечами. В собачьем исполнении жест получился презабавным.

– Позвольте поинтересоваться, – гоблин впервые обратился к собаке на «вы», – какой именно у вас дар?

– Поиск, – вмешавшаяся в разговор Варежка сказала это так гордо, как будто это она лично распределяла наши способности.

– Не поиск пути, не поиск ископаемых, не поиск разумных, не...

– Вот именно – Поиск. Просто поиск.

– Невероятно! – наш наниматель уже просто пританцовывал от переполнявших его эмоций, – потрясающе! Пойдёмте скорее – теперь я уверен, что заказ будет выполнен.

Мы направились к одинокому трёхэтажному строению, притулившемуся к кромке леса и находящемуся, на глазок, метрах в семистах от нас.

Ну что сказать про Шмокодявку-34? Может для обитателей континуума и в порядке вещей скакать между мирами, но я, в первый раз покинувший свой мир, ощущал себя первоклассником, впервые попавшим на ёлку в Кремле. Открыв рот, я с восторгом глазел по сторонам.

Попали мы сюда, явно раним утром. Солнце на глазах выбиралось из-за горизонта, окрашивая небо красивейшем закатом, в котором преобладали жёлтые и зелёные тона. Грунт под ногами напоминал кварцевый песок, но, с каким-то синеватым отливом. Вкупе с небесной феерией рождая самые необычные зрительные ощущения. Растительности до самого леса не было видно – ни травы, ни единого кустика. Птицы, самолёты и прочие летуны тоже не оживляли картину. А вот лес, насколько было видно в отступающих сумерках, был совсем обычным. По крайней мере, ели и берёзы я точно ни с чем не спутаю.

Заглядевшись на местные красоты, я не сразу обратил внимание на то, что Добрыня отбился от группы, и увлечённо раскапывает что-то чуть в стороне от нашего пути.

– Добрыня, не отставай! – надо же – в свою просто-собачью бытность не накопался, рытик несчастный!

– Р-р-р! Собак изобразил стойку мышкующей лисы и яростно вгрызся во что-то подземное.

Несколько секунд жестокой борьбы, и пёс, упираясь всеми четырьмя лапами, потащил из земли нечто извивающееся и отчаянно сопротивляющееся.

– Добрыня, фу! – я понадеялся, что выработанные навыки возьмут верх, но не тут-то было.

Змееподобное существо, уже на полтора метра показавшееся из земли, внезапно сложилось петлёй и наотмашь захлестало как плеть. Пёс, не разжимая зубов, выдержал два

коротких перелёта, потом, всё же разомкнув пасть, отправился в недолгое параболическое путешествие.

Варежка выгнула спину, распушилась и зашипела. Синий песок, как будто бесшумным взрывом взметнуло над долиной, и из-под земли выметнулась туша. Нет – ТУША! То, что изначально ухватил Добрыня, оказалось самым кончиком сорокаметрового хвоста, оканчивающегося зубастой головой размером с карьерный самосвал. Мега-головастик взревел и начал подниматься над нами, выискивая обидчиков. Добрыня вскочил и с яростным лаем вновь атаковал хвост монстра.

Я, опомнившись, обнаружил, что машинально сложил «жест», вот только ничего более не предпринял. Чудище наконец-то сориентировалось в ситуации и с воем, со скоростью локомотива бросило свою пасть на обидчиков.

Мысли в моей голове словно взорвались, не позволяя вычленить одно единственное нужное слово.

– Сгинь! – прорвался сквозь сумбур отчаянный крик Варьки.

– Сгинь, – машинально повторил я, когда нас с чудовищем разделяли считанные сантиметры.

Монстр пропал моментально. Безо всяких свето-шумовых эффектов.

У меня задрожали ноги. Я, смутно сознавая, что мы всё же победили, повернулся к гоблину. Тот почему-то заорал и бросился ничком на землю, прикрыв голову руками.

Я непонимающе посмотрел на него, потом понял, что ещё не разжал свою грозную пальцевую комбинацию.

– Безопасная прогулка, значит?

Гоблин выглянул из-под локтя. Увидев, что опасность миновала, он встал на ноги и принялся отряхиваться.

– Безопасная, да! Кто же вас просил на пустынного охотиться. Он, между прочим, вполне безобидный. Нападает только на тех, у кого в тканях присутствует в значительном количестве железо.

Наша троица переглянулась.

– Кровь, – констатировала Варька, – там его такая концентрация...

Мы уставились на гоблина.

– Подождите... вы хотите сказать... – на Кормоеда было жалко смотреть, – но ведь большинство крупных монстров... А давайте я отменю заказ, а? Я вам даже компенсацию дам – десять путинок... нет – пятнадцать.

Поздно. Я, опьянённый победой уже почувствовал себя супергероем, да и адреналин всё ещё бушевал в такой привлекательной для иномирянских гадов крови.

– Нет! – моей высокопарности позавидовал бы сам Цезарь. – Менеджеры континуума просто так не отступают! Веди, давай, Сусанин.

* * *

Заведение, до которого мы добрались с такими приключениями, снаружи напоминало классическую таверну, как её описывают в исторических и фэнтезийных произведениях. Добротный бревенчатый сруб на три этажа с маленькими окошками и массивной входной дверью. Над дверью красовалась деревянная вывеска: «У Самана. Еда, ночлег и др.». Меня позабавило это «др.», но более интересным был тот факт, что я легко понял смысл надписи, выполненной странной угловатой вязью. Не забыть бы прояснить этот вопрос у гоблина. Справа от входа располагалась коновязь, у которой отдыхала тройка самых обычных на вид лошадей. По двору бродила домашняя птица, так же ни чѐм не отличающаяся от земной.

Всю средневековую пасторальную картину портил припаркованный у здания джипообразный автомобиль на гусеничном ходу. Гоблин распахнул дверь, и наша разношерстная компания вошла гостиницу.

Внутренности помещения радовали глаз своей необычностью. И необычность эта заключалась, прежде всего, в смешении эпох и стилей. Ну, во-первых, мебель. Явно вытесанные при помощи топора столы и лавки. Массивные настолько, что случись здесь трактирная драка, использовать их в качестве ударного оружия было бы весьма затруднительно. Во-вторых, пол – обычный земляной. Всё тот же хорошо утрамбованный синеватый песок, посыпанный возле барной стойки свежими опилками. Даже если предположить,

что хозяин гостиницы пытается стилизовать своё заведение под старину, то наличие подобного пола – это уже чересчур. Как, впрочем, и затянутые какой-то мутной плёнкой окна.

Неяркие многочисленные светильники заливали пространство зала зеленоватым светом. На какой основе они работают – технологической или магической я определить не смог. Да и не особо интересно мне это. В то же время, прямо над барной стойкой вполне себе уживался привычного вида экран, с которого транслировалось нечто непонятно стрелятельно-догонятельное. За одним из столов сидело трое потешных типов, которые своим обликом гораздо больше напоминали гоблинов, чем наш. Огромные уши, сморщенные мордочки, узловатые пальцы. За стойкой стоял, я бы сказал, обычный человек, только с одной дополнительной деталью – крыльями, сложенными за спиной. Ну, и, пожалуй, роста в нём было хорошо так за два метра.

Гоблин уселся за ближайший стол. Мы последовали его примеру. Вернее я последовал. Варезка удобно устроилась у меня на коленях, а Добрыня, попробовал, было, запрыгнуть на лавку, понял, что это не его путь, и устроился у меня в ногах, всем своим весом припечатав их к полу.

– И где же наш клиент? Что-то мы не торопимся, хотя недавно ты говорил...

– Спит ещё. Сейчас перекусим, и пойду его будить. Он как раз должен проснуться. Я *чувствую*.

– Э, нет, подожди с перекусом. На сколько я понял,

у нас разная биохимия организма. Коньки-то мы после этого не отбросим?

– Ни в коей мере, – гоблин поманил бармена. Тот выбрался из-за стойки и вручил нам по устройству, больше всего напоминающему планшет. – Вот смотрите...

Кормоед положил планшет на ладонь и через несколько секунд его экран засветился ровным синим светом.

– А теперь вы...

Мой же экран окрасился красным.

– Вот, собственно и всё – устройство определило, к какому типу разумных вы относитесь, и теперь будет предлагать вам меню, которое не навредит. Поверьте – среди разумных рас и обычной живности встречается такое разнообразие обмена веществ, что эта проблема давным-давно решена. Вам, просто не повезло – ваша красная кровь является весьма лакомой приманкой для многих хищников. Для своей жизнедеятельности они используют железо, которое добывают из окружающей среды любым доступным способом. Пустынники, к примеру, могут перемалывать железосодержащие руды и минералы. Хотя, если бы нашему монстру всё же удалось схарчить кого-либо из вас, этот завтрак был бы для него последним. Он просто отравился бы.

– Вот, спасибо, утешил. А проясни-ка мне ещё один вопрос. Насчёт языкового барьера.

– Тоже ничего сложного, – гоблин достал из-под плаща амулет – на первый взгляд обычный камень в медной про-

волочной сетке, подвешенный на суровую нитку. – Вот, артефакт-переводчик магической природы. Переводит вашу речь на мой язык.

– И всё?

– Да.

– Но у меня-то такого нету, как же я тогда тебя понимаю?

– А манипуляторам он и не нужен. Они универсальные полиглоты. Причём как в устной, так и в письменной речи. Хотя некоторые местные названия и имена собственные, манипуляторы воспринимают как есть – без перевода.

– Здорово! – учитывая, что у меня с детства были проблемы с иностранными языками, ну не давались они мне, от открывшихся перспектив дух захватывало. Хотя, при моих нынешних возможностях, что там какие-то языки. Блин! До сих пор поверить не могу!

Я просмотрел на Кормоеда, который увлечённо шуровал пальцем по сенсорному экрану меню и присоединился к этому занятию. В принципе, еды я намагичить мог и сам, но так хотелось попробовать иномирянскую кухню. Вот, к примеру, ш-шпухи кручёные с мясом кокобы и сыром.

– А скажите, милейший, – обратился я к крылатому бармену, который невозмутимо застыл рядом с нами в ожидании заказа, – кокоба, перед тем, как попасть на стол, она квакала или мяукала?

Тот покосился на Варьку.

– Кокоба, она потому кокоба, что кококает, – для такого

здорового детины, голосок его был несколько высоковат. – Вон, они по двору ходят.

Я понадеялся, что кококают на Шмокодявке всё же куры, а не кони, а другой живности рядом с гостиницей я что-то не припоминал.

– Ладно, давай свои ш-шпухи. А вы, – обратился я к зверью, – что-нибудь будете?

– Эх, всего-то ничего на чужбине, а так на родину тянет. – Варёк потянулась. – Вискаса бы, с рыбкой.

Пёс оказался верен любимой говядине. Гоблин же заказал что-то труднопроизносимое. Я быстренько колданул миску вискаса и тазик говядины, и четвероногая братия дружно принялась работать челюстями.

Ш-шпухи оказались обычными блинами. Даже обидно стало. Правда вкуснейшая начинка из мелкопорубленной и обжаренной курятины с сыром мигом приглушила обманутые ожидания. Даже Варёк соизволила откусать пару кусочков, хотя после вискаса её животик раздулся как шарик.

После еды, запитой сладким травяным чаем, наступило сытое блаженство. Тройка ушастиков, покончив с завтраком, вышла на улицу, и, судя по топоту копыт, куда-то отбыла. Наш наниматель не спеша поедал какие-то длинные фиолетовые макароны. Заглянув в его тарелку, я увидел, что макаронины шевелятся. Всё моё любопытство куда-то разом испарилось. И я, поднявшись, вышел на улицу.

Солнце уже всю шпарило с неба, постепенно слизывая

тени. Становилось жарко. Внезапно из-за горизонта прямо на глазах вынырнуло ещё одно светило – ослепительный белый карлик – и начало карабкаться вслед за собратом. Фантастическое зрелище.

Вдали, из-за кромки леса выплыла какая-то птица и, чуть поводя крыльями, стала парить в мою сторону. Большая птица. Просто огромная! И вообще не птица. Это... это же дракон! Я стоял и заворожено смотрел, как огромная рептилия, размахом радужных крыльев не менее десяти метров, заходит на посадку.

Я не понимал – стоит ли мне паниковать, или драконы на Шмокодявке безобидные мирные существа, как яростный рёв всё расставил по своим местам. Театрально скрутив требуемую комбинацию, я воспользовался проверенной формулой:

– Сгинь!

Не тут-то было. Дракон продолжал падать прямо на меня.

– Сгинь! Пропади! Исчезни! У, зараза...

Ноль эмоций. Понимая, что бежать уже поздно, я зажмурился и сжался в ожидании удара. Вот так бесславно и закончится карьера менеджера континуума.

Никаких последствий не было. Постояв ещё несколько секунд, я приоткрыл один глаз. Прямо передо мной, на расстоянии не более метра зависла, слегка покачиваясь, огромная клыкастая харя на длинной шее. Вся же туша удерживалась в воздухе быстро-быстро трепещущими перепончатыми

крыльями. Прям – бабочка-переросток.

– Чего застыл-то? Опуститься дай!

Я недоумённо посмотрел по сторонам. Места хватало. Так какой же кокобы... Дракон правильно истолковал мой взгляд.

– Здесь площадка утоптана. А дальше я по брюхо завязну.

Пришлось посторониться, освобождая взлётно-посадочную полосу. Ящер сложил крылья, и, вытянув лапы, грациозно пришкокодявился перед дверью.

– Ты чего такой нервный? Драконов, что ли не видал никогда? – он почесал передней лапой чешуйчатое пузо. – Вот расколдовался, до их пор щекочется.

– Не-а, не видал. Если на картинке только, или в кино. Это такие картинки движущиеся.

– А я, по твоему, дикарь не образованный, не знаю, что такое кино? – рептилия ехидно фыркнула.

– Ну, извини, я из изолированного мира. В первый раз выбрался в континуум. На самом деле – впервые раз такого красавца вижу.

Дракон гордо приосанился.

– Так выходит правда, что на драконов магия не действует?

– Естественно. Насколько ж вы изолированы, что таких вещей не знаете?

– Ну... мы предполагали.

– Вот теперь знайте! Федя!

– Я вообще-то Вася. Василий, то есть.

– Рад за тебя, Вася-Василий. А я, как раз, Федя.

– Приятно познакомиться, Фёдор.

– Я не Фёдор, я Федя, что значит огненный.

– Извини ещё раз – никак не привыкну. Первый раз, сам понимаешь...

– Ничего, бывает. Я вот помнится тоже в первый раз, когда из гнезда вылетел...

– Подожди, подожди, Федя, а чего ты ревел-то? Вот я и начал в тебя заклятьями швыряться.

– Да, видишь ли, – Федя несколько смутился, – я так вампиру знак подаю, что я близко. И жрать хочу. Чтобы готовить начал.

– Вампиру?

– Ага. Хозяину этой забегаловки.

– Вампиру, значит...

– Да ты не беспокойся он мирный. Специально песчаных копух разводит, их и пьёт.

– Мирный, так мирный. А как ты вовнутрь попадёшь? Или он тебе сюда еду вынесет?

– Эх, Вася! Что ж вы там такие тёмные все в своём мире. Сейчас увидишь...

Дракон весь подобрался и начал трансформироваться. Больше всего процесс превращения напоминал пластилиновый мультик, когда один объект сначала пальцами уминают в шарик, потом тот теряет в объёме, как будто сдува-

ьясь, и следом начинается вылепливание новой формы. Через несколько мгновений передо мной стоял вполне заурядный мужичок. Встреть такого на улице и даже взглядом не задержишься.

– Ну что, пойдём, откушаем от щедрот вампирских?

Мы зашли в зал.

Кормоеда видно не было. Видимо, пошёл радовать клиента. Добрыня уже посапывал, так и не сдвинувшись с места. Варёжка же гоняла по полу где-то раздобытый кусочек скомканной бумажки.

– Саман, старый кровопийца, где ты там застрял? Давай, мечи харчи из печи. Народ голодный, как рой пустынников.

– Да ну тебя, Федя, ещё накличешь, – донеслось из глубины кухни, – вчера, говорят, видели ночную лёжку пустытника в половине дневного перехода отсюда в сторону океана. Слетал бы, что ли, поохотился.

– Нету больше вашего пустытника, – Варёк на миг прервала своё увлекательное занятие. – Кончился весь.

– Ух ты! Говорящая кошка! – дракон обрадовался, как ребёнок. – Кис-кис-кис!

– Ага, сейчас! – Варька демонстративно повернулась к Феде хвостом.

– Ну вот, – расстроился тот, – в первый раз за почти шестьсот лет встретишь говорящую кошку, а она с тобой общаться не хочет.

– У нас ещё собака говорящая есть, можно с ней пооб-

щаться, – Варезка вернулась к прерванной игре.

– Да! – досадливо отмахнулся ящер. – Эка невидаль – собака. Они, можно сказать, через одну болтают.

Добрыня засопел громче и повернулся на бок. В этот момент из кухни появился вампир, прижимающий к животу огромную миску, на которой аппетитно благоухал печёный окорок, килограммов на пять весом, обложенный обжаренной до золотистой корочки картошечкой, или каким-то местным её аналогом. Федя буквально выхватил миску у него из рук, и, пристроившись прямо за стойкой, вгрызся зубами в мясо.

– Значит, нету больше пустынного? Это хорошо, – вампир вытер руки о край фартука. – А то он мне бед наделал бы. Такое дело можно отметить.

Саман достал три стакана, потянулся за четвёртым, потом с сомнением посмотрел на Варезку и решил ей не наливать. Из шкафчика достал пузатую бутылку и разлил на два пальца едко пахнущей жижи.

– Чесноковка? – принялся дракон.

– Она самая. Жаль, совсем мало осталось. Попросить, что ли, Кормоеда чесноку принести? Да когда-то он соберётся – через два сектора тащиться. Если по пути когда-нибудь.

– Хм. Через два сектора, говорите? – я с опаской взял свой стакан. – Знаю источник гораздо ближе.

– Благодетель! – на лице вампира расцвела радостная улыбка. Страшноватенькая, вообще-то, из-за длинных ост-

рых клыков. – Готов меняться на золото по весу чеснока.

Я пожал плечами и сотворил слиток на пару килограмм. Улыбка Самана потускнела. Зато дракон вытаращил глаза.

– Так ты ещё и создавать умеешь?

Потом его взгляд задержался на Варежке, переместился на Добрыню.

– А вы случайно не команда манипуляторов?

Добрыня утвердительно вафкнул из-под стола. Лоб Фе-ди покрылся испариной, и он залпом опрокинул чесноковку в рот.

– Больше никогда не буду рычать на незнакомцев.

– Почему? – заинтересовался я.

– По кочану, – отрезал ящер. – Если бы ты три раза подряд повторил одно и то же заклинание, оно бы пробило к быням свинячьим мой хвалёный иммунитет.

Теперь напрягся я. Стало стыдно. Чтобы загладить затянувшуюся паузу, я махом глотнул хвалёную настойку. Горло обожгло так, как будто на Шмокодявке не действовали законы природы и спирт, входящий в состав чесноковки, был, как минимум, градусов сто двадцать. Или двести сорок. С половиной. Федя, уже малость пришедший в себя, протянул мне картофелину.

– На, закуси. Да ешь, не бойся, у меня тоже железный метаболизм.

– Спасибо. – Картошка действительно оказалось картошкой. Я, кстати, заметил, что миска уже почти опустела. Куда

только поместилось всё? В человеческой ипостаси дракона уже должно было распереть, как мешок с картошкой, извиняюсь за каламбур. – Ты уж извини, я не знал.

– Чего уж там! Оба хороши...

Мы посмотрели друг на друга. Чесноковка так действовала, или просто стресс надо было снять, но через мгновение мы смеялись как сумасшедшие. Или, вернее сказать, ржали, как кони.

– Ну, вот и хорошо, вот и ладненько, – вампир опустошил свой стакан, так как насчёт чесночка?

Мне захотелось облагодетельствовать весь мир. Я, не сходя с места, сотворил добротную связку головок на двести. Связка не удержалась на стойке и змеёй сползла на пол. Саман проводил её несколько разочарованным взглядом.

– Спасибо, конечно, но сотворённый чеснок не даёт того эффекта.

– Да? Не знал... Ладно, вот схожу с Кормоедом, принесу тебе настоящего, с грядочки.

– Буду весьма и весьма признателен. Я даже знаю, как смогу расплатиться. Насколько я понимаю, – бармен показал на Добрыню, – ваш ведущий может искать Путь только в пространстве и не умеет искать его во времени?

Добрыня отрицательно помотал головой.

– Так вот... я смог бы передать ему такую способность.

– Подождите, – влез в наш разговор Федя, – так что, этот бродяга тоже здесь?

Вампир утвердительно кивнул.

– Корми! – мощный глас дракона потряс стены. – Где ты, зелень моя ненаглядная? Выходи, здороваться будем!

– Что же ты блажишь, как ненормальный? – поморщился Саман. Сейчас они спустятся с клиентом.

– Ха-ха! Значит, гоблин кого-то ведёт. Куда, если не сектор?

– Вроде, нет. Куда-то в соседний сектор.

– Класс! А возьмите меня с собой! Засиделся я что-то на Шмокодявке. Нет, ну правда – а вдруг я вам в дороге пригожусь.

– Не стреляй меня, Иван-Царевич, я тебе пригожусь! – ехидно процитировала Варешка.

– А ты вообще со мной не разговариваешь! – парировал Федя.

Я же просто пожал плечами, как бы говоря, что мне-то всё равно, только решение-то не от меня зависит.

В этот момент на лестнице показался гоблин.

Рядом с ним, плывя по воздуху, передвигалось нечто. Оно было похоже на уменьшенную в размерах грозовую тучку, в глубине которой время от времени что-то посверкивало, как будто скрытые туманом разряды молний.

– Ух ты, туманный полиморф! – дракон аж подпрыгнул. – Замечательная компания – гоблин, команда манипуляторов и полиморф! И дракон, надеюсь. Нет, я теперь с Корми точно не слезу, пока он не согласится взять меня с собой!

Глава 4. Про старческий маразм и недокументированные возможности

Снег накрыл неожиданно. Вот только мгновение назад светило не жаркое, но вполне тёплое солнце, и тут, прямо, казалось, с ясного неба повалило такими хлопьями, что пропала видимость уже на расстоянии одного-двух метров. Мы плотнее придвинулись к костру. Варёжка забралась по куртке и попросилась за пазуху. Гоблин подбросил в огонь охапку толстых стеблей с сочными маслянистыми листьями. Видимо местные растения содержали в значительном количестве горючих смол, так что огонь с благодарностью воспринял подношение.

Добрыня отдыхал. На Шмокодявке он обрадовал Кормоеда, сумев проложить путь всего за двенадцать переходов до конечной точки. Промежуточные остановки носили непривычные режущие слух названия, поэтому я даже не старался их запоминать. Как сказал гоблин, пёс, по самым скромным подсчётам сэкономил путь в два раза, так что все были довольны – и проводник, и заказчик, и Добрыня.

Собак, явно гордясь возложенной на него миссией, проскочил первые две пересадки, обе опять-таки синими коридорами, больше не балуясь дополнительными визуальными эффектами. Но, после третьего прыжка он вывалил язык на плечо, и нам пришлось сделать привал. Гоблин же вообще

стал относиться к псу чуть не с благоговением. Как он мне объяснил, любому проводнику после перехода требуется отдых. В среднем два-три часа. А тут такая шустрость.

Мы решили отдохнуть в небольших зарослях эндемиков на третьем мире, редкие рощицы которых были разбросаны по заросшей невысокой травой холмистой равнине. Дракон, который всё же увязался за нами, трансформировался в крылатую ипостась и полетел размять крылья. Полиморф – без имени, поскольку не соизволил нужным представиться, общался только с Кормоедом, время от времени что-то втолковывая ему противным скрипучим голосом. Я не понимал, из-за чего Федя проявил такой интерес к заказчику. Варька, правда, попыталась мне рассказать, что раса полиморфов очень редко встречающаяся и очень загадочная, но я легкомысленно отмахнулся. До сегодняшнего дня я и драконов-то не встречал. Как, впрочем, и гоблинов. И вампиров.

У меня же наступило такое переполнение новыми впечатлениями, что не удивляло уже ничего – ни изумительный по красоте морской пейзаж на первой остановке, ни ночное звёздное небо усыпанное светилами настолько, что казалось, мы находимся где-то в центре галактики, на второй. Почувствовав, что засыпаю, пригревшись у костра, я сотворил мягкое кресло, кожаное, чтоб не промокало, зонтик-навес над ним и погрузился в блаженную полудрёму. Варька мирно, по-домашнему, мурлыкала за пазухой.

Сколько удалось поспать, я не знаю, но пробуждение бы-

ло явно не из приятных. Снег, огромной шапкой собравшийся на зонтике, продавил-таки его и микро-лавиной хлынул вниз, погребая нас с кошкой в мягком и пушистом, но таком холодном и сыром сугробе. Варёк выцарапалась из куртки, и, высоко поднимая лапы, перебазировалась под бочок к Добрыне.

Снегопад всё не прекращался. Дракона не было. Добрыня тоже не высказывал желания немедленно продолжить путь. Я сотворил себе одежду, взамен промокшей, и, ёжась от неприятных пожаливаний белых мух, переоделся. Вся сонливость пропала. Заняться было решительно нечем. Не знаю, зачем – в такую погоду и не видно-то ничего дальше собственного носа, я всё же решил побродить по окрестностям. Наугад выбрав направление, я побрел, следуя ему, с трудом пробираясь по колено в снегу.

Пройдя не более ста метров, я в недоумении остановился. Снега не было. Обернувшись назад, я обнаружил всё ту же зыбкую пелену, сотканную и непрерывно падающих снежинок. А буквально через шаг, по-прежнему вовсю светило солнце, и температура была вполне приемлемой – градусов пятнадцать-семнадцать. Поудивлявшись такой аномалии, я отошёл подальше и обнаружил интересную особенность. На небе не было ни единого облачка. Снежный ливень рождался как будто из ниоткуда и просыпался на идеально круглый пятачок диаметром примерно в двести метров. Как раз, в центре которого и отдыхала наша команда.

Откуда-то сверху и сзади послышался мелодичный свист. Повернув голову, я обнаружил заходящего на посадку Федю.

– Ты чего свистишь? – спросил я приземлившегося дракона.

– Тебя предупреждаю о посадке.

– А почему не рёвом?

– Спасибо, нарычался один раз.

– Ясно. Ну, как тебе такое явление? – кивнул я.

Тот озадачился.

– Не знаю. Это не настоящий снегопад. Магией пахнет.

– Кому тут понадобилось магичить-то? Ты сверху никого не заметил?

– Близо – нет. Хотя, там, – дракон указал лапой направление на постепенно склоняющееся к горизонту солнце, – пол часа лёту, примерно, какие-то развалины мелькали.

– Что-то мне это не внушает оптимизма. Давай-ка двигаться к нашим, и, если Добрыня уже готов, надо драпать отсюда.

Федя наклонил голову и тараном вломился в снежный завал. Я отправился следом.

На привале ничего не изменилось. Кроме того, что пёс с кошкой, окончательно засыпанные снегом, превратились в небольшой сугроб.

– Добрыня, – позвал я. – Не спи – замёрзнешь.

Сугроб взорвало изнутри. Звери выскочили из него, яростно отряхиваясь. Собак начал нарезать круги между на-

ми и деревьями, а кошка, не заморачиваясь, опять забилась ко мне под куртку.

– Ты как, готов? – осведомился я у пса, который, то выскакивал из белесой мглы, то снова пропадал в ней.

– Ага. Сейчас, согреюсь только.

– Пойдём-пойдём. Потом согреешься. Надо быстренько убраться из этой аномалии.

– Какой аномалии? – заинтересовался гоблин. Дракон ему объяснил.

– Ого! Чудны дела твои, континуум, – Кормоед не на шутку встревожился. – Кто-то недоволен вторжением. Хорошо, что только недоволен, а не разозлён. Иначе бы нам уже не поздоровилось.

– Подожди, у нас же есть я, – несколько привыкнув к свалившемуся на меня дару, я был неприятно удивлён возможными проблемами.

– Есть, конечно, только от внезапной магической атаки ты не защищён.

– А если щит поставить?

– Какой?

– Ну-у... от холода, например...

– Поставь. А тебя каким-нибудь файерболом припечатывают.

– Понятно. Универсальные щиты бывают?

– Не знаю. Ты ж у нас манипулятор.

Поговорили. Одно я вынес из разговора с гоблином – рас-

слабляться не стоит.

Наша компания быстро собралась, хотя чего там собирать-то было – вещи все при себе, а костёр и сам давно погас. Вновь используя ящера в качестве живого бульдозера, мы двинулись за пределы холодной аномалии.

Снаружи ничего не изменилось. Только местное светило уже нависло над самым горизонтом, угрожая вот-вот нырнуть вниз, и затопить равнину прохладными сумерками.

Добрыня уже привычно выцепил направление и потрусил к точке перехода. Пространство начало замедлять своё обратно-поступательное движение. Всё медленнее и медленнее. Наконец совсем остановилось. Однако, никакого светового эффекта, сигнализирующего, что мы достигли центра коридора, не появилось. Мы ещё несколько мгновений продолжали изображать бег на месте, но всё оставалось по-прежнему. Наконец пёс, а следом за ним и мы постепенно остановились.

– И что теперь? – обратился я к гоблину.

– Не знаю. Такое может сотворить только очень опытный маг, или ещё одна команда манипуляторов. Только – зачем? Судя по всему, нам мягко намекнули, что нашей компании здесь не рады. Да мы и сами уже уходили...

– Добрыня, а ты что скажешь? – всё происходящее меня тоже мало радовало.

– Не знаю. Здесь-то точно тупик. Может попробовать стартовать из другого места? Отойдём подальше... В прин-

ципе, можно пройти отсюда зелёным коридором. Рискнём?

И тут, откуда-то с высоты, раздался не очень громкий, но явно ехидный смешок.

Мы задрали носы вверх, но на темнеющем небе, по-прежнему не наблюдалось ничего постороннего.

Мы всё же попробовали пройти зелёным коридором. Потом опять синим. С тем же результатом.

Единственное, чего мы дождались – это кромешной тьмы, которая напозла с востока, полностью скрыв от нас окружающий мир.

* * *

После недолгого совещания, решено было двигаться в сторону замеченных драконом днём развалин. По утверждению Феди, он облетел достаточно, чтобы сделать однозначный вывод – больше присутствия жизнедеятельности кого-либо на равнине нет. Добрыня с гоблином в один голос заявили, что если где-то поблизости и есть разумные – в небесах, на земле, или под оной, то они успешно маскируются.

Передвижение в темноте нас не напугало. Сопоставив среднюю скорость дракона в полёте, я пришёл к выводу, что добираться до руин мы будем часов пять-шесть. Многовато, учитывая, что последние сутки отдыхать пришлось мало и урывками.

А потом я ещё раз убедился, что маг из меня может и сильный, но, до безобразия неопытный. Получилось как – я задумал осветить дорогу. Сначала, не мудрствуя лукаво, я сотворил всем по мощному фонарику. Как оказалось – перестарался. Добрыне и Варьке они вообще не нужны, да и нести их нечем – не на спину же привязывать. Дракон тоже заявил, что в любой ипостаси прекрасно видит в темноте. У полиморфа конечностей вообще не наблюдалось (какой же он полиморф после этого?). Оставались мы с гоблином.

Почти сразу выяснился недостаток фонарей – ровно на ходу светить не получалось, руки уставали, да и мечущийся свет сильно мешал тем нашим спутникам, кто обходился ночным зрением. Пришлось придумывать что-то другое.

Я неоднократно встречал в разных фантастических произведениях описание процесса создания всевозможных «светляков». Что только маги не делали – и пальцами щёлкали, и слова различные мудрёные произносили, и палочками-посохами манипулировали. Попытавшись представить впереди нашей группы и чуть в вышине некий сияющий пульсар, я сложил свой неприличный жест, и скомандовал: «Свет!»

Полыхнуло ярко, но тут же вновь наступила тьма. Ещё более крошечная, чем раньше. Когда все, остановившись, проморгались и высказали своё «Пфе!», я пошёл более технологичным путём. Для начала сотворил лампочку. Лампочка не желала не только гореть, но и висеть в воздухе. Пришлось

добавить аккумулятор и надутый гелием шар. Большой аккумулятор и большой шар. Когда лампочка всё же загорелась, стало понятно, что двигаться сама она не собирается. Хорошо – добавим моторчик с пропеллером. Увеличим аккумулятор и шар, соответственно.

Чудо-конструкция резво рванула от нас. Нет, так не пойдёт. Нужна привязка – например на шёлковую нить. В итоге у меня получилось! Я, довольный как бегемот в болоте, резво направился вслед за вихляющей, но всё же исправно действующей системой, как вдруг понял, что иду-то я, по сути, один. Оглянувшись назад, на самой границе освещённого круга, я заметил моих спутников, которые буквально покачивались со смеху. Причём все – даже полиморф издавал какие-то хриплые карканья. Посмотрел ещё раз на своё произведение. Н-да... Разжал кулак, и верёвочная петля соскользнула с пальцев. Рукотворный электро-гелиевый монстр стал быстро удаляться. Ну и пусть себе летит – на страх монстрам настоящим, буде они такие здесь водятся. Я вернулся к веселящейся компании.

– Что смешного-то, – обиженно буркнул я. – Если такие все такие умные, подсказали бы чего дельного.

Варежка, всё ещё похихикивая, вскочила мне на плечо и утешающе потёрлась мордочкой о щёку.

– Извини, просто ты такое забавное чудо-юдо сотворил. И при этом был такой весь из себя гордый...

– Ладно, чего уж там! Я сам уже понял, что опростоволо-

сился. Так что ж делать-то?

– Ну, можно пойти двумя путями... во-первых – чуть-чуть подкорректировать зрение.

Я в сомнениях почесал затылок. Экспериментировать на себе любимом не хотелось. По крайней мере, не прочитав соответствующий мануал, или без помощи опытного наставника. Кошка поняла мои колебания.

– Хочешь, потренируйся сначала на гоблине.

– Нет-нет, не надо! Мне и так хорошо! – тот в испуге прикрыл глаза ладонями. – Лучше фонарик!

– А во-вторых? – я решил не рисковать.

– Во вторых, – Варёк пару раз лизнула лапу. – Что такое плазма, представляешь?

– Естественно – если упрощённо, то сильно перегретый газ.

– Так, хорошо... Попробуй сосредоточиться на небольшом участке пространства. Представь его, например, заключённом в стеклянный шар. Получилось?

– Вроде – да.

– Хорошо. Теперь заставь этот шар постепенно нагреваться.

– Как?

– Ты что, физику в школе не изучал? – Варёк уставилась на меня опалесцирующими зелёными глазищами. Я почувствовал, что краснею.

– Изучал...

– Так действуй!

Мне сразу вспомнилось броуновское движение частиц. Мысленно увеличив молекулы внутри воображаемого шара, я принялся сосредоточенно расталкивать их, придавая дополнительное ускорение. Частицы всё равно не хотели представляться молекулами, а почему-то воображались в виде упругих шариков. В какой-то момент я понял, что шарики эти обзавелись схематичными глазками-точками и линиями ртов. Короче превратились в самые настоящие объёмные смайлики, которые весело толкаясь, мельтешили перед глазами. Если какому-то смайлику доставалось от соседей особенно сильно, уголки рта его тут же ползли вниз, а под глазом-бусинкой возникала слеза-запятая. Таких смайликов было особенно жалко.

Бр-р-р-р! Я встряхнулся, выкинув из головы бредовое видение.

Ну, хорошо, попробуем по другому... Чем ещё можно нагреть воздух? Правильно – трение.

В очередной раз представив себе стеклянный шар, я принялся раскручивать его вокруг воображаемой оси. Шар поддавался с неохотой, но, всё же начал понемногу вращаться. Сильнее, ещё сильнее. На лбу выступили капельки пота. Создавалось ощущение, что я вручную пытаюсь раскрутить не пустой воображаемый стеклянный шар, а как минимум настоящий гранитный, не менее метра в диаметре.

Так, стоп, не отвлекаться.

Ха! А всё-таки она вертится!

Быстрее и быстрее. Я, поняв суть процесса, всё увеличивал и увеличивал скорость вращения шара. Не знаю, сколько тысяч, или миллионов оборотов в секунду уже было достигнуто, но в определённой точке, на которой было сосредоточено моё внимание, наконец-то начали проявляться признаки теплового свечения.

Добрыня лёг на землю и прикрыл лапами уши. Тут и до меня начал постепенно доноситься вначале еле слышимый, он очень быстро нарастающий свист... который перерос в визг, потом в яростный рёв.

Прилегающий к эпицентру моего колдовства воздух, повинаясь всё тем же законам физики, начал вначале нехотя, а потом всё интенсивнее закручиваться в вихрь, и, через несколько мгновений, перед нами колыхался на тонкой ножке огромный столб смерча, теряющийся своей воронкой где-то в чёрной вышине небес. Вот это колданул, так колданул!

Сообразив, что с разгулявшейся стихией шутки плохи, я решил остановить это безобразие. Вытянув в сторону руко-, а скорее, маготворного торнадо грозно указующий средний перст, я приказал: «Остановись!».

Эх! Физика – один из моих любимейших предметов в школе. Как можно было так опростоволоситься? Меня, намертво заякорённого заклинанием с беснующимся воздухом, моментально оторвало от земли и силой инерции закрутило вокруг смерча. Два или три оборота я пронёсся с огром-

ной скоростью, потом всё же разжал ладонь, разрушая магический жест, и отправился теперь уже в свободный полёт.

Через несколько мгновений моя многострадальная голова опять оказалась тем единственным местом, которому суждено принимать удар на себя. Сознание, радостно махая прозрачными стрекозиными крылышками, поспешило покинуть столь негостеприимную оболочку.

* * *

Дежа вю.

– Добрыня, прекрати немедленно!

Мокрый щекочущий язык перестал ощущаться на лице. Я открыл глаза. Как и в первый раз, с начала приключений, голова не болела. Прочих неприятных ощущений тоже не наблюдалось. Мне что, ещё и ускоренной регенерацией подфартило?

Оглядев обеспокоенно склонённых надо мной спутников, я поднялся с земли. Настроение было препаршивейшим. Хуже всего, что я совершенно не понимал, как всё-таки добиться успеха в таких простых, казалось бы, на первый взгляд, заклинаниях. Подозреваю, что где-то существуют специально написанные многотомные инкунабулы с инструкциями для таких чайников как я. А может, и специальные учебные заведения, где почтенные старцы в расшитых звёздами халатах и колпаках, помавая кадуцеями, умклайдетами и прочи-

ми волшебными палочками, вбивают в головы недотёпистых недорослей азы магического искусства. Срочно надо где-нибудь подучиться.

– Да, Варёк, непутёвый ученичок тебе достался... – продолжать эксперименты совершенно расхотелось.

– Хорошо. Попробуем третий способ, – кошка явно не теряла оптимизма.

– Живы-то хоть после этого останемся?

– Не бойсь, прорвёмся. Ложись обратно на землю.

– А может, не надо, – в голосе дракона явно слышалась паника. Кошка внимательно посмотрела на него:

– Надо, Федя... Надо!

Я покосился на место моего гостеприимного приземления, сотворил туристическую пенку, потом подумал, и, ухмыльнувшись, добавил поверх неё пук соломки. Улёгся. Варёжка пристроилась рядом и прижалась к моей голове своей серой макушкой.

– Смотри, и постарайся понять, что я сейчас сделаю. Я уставился в небеса. Неожиданно в паре метров над землёй возник яркий жёлто-оранжевый шарик размером со среднее яблоко. Шарик мирно потрескивал и излучал мягкий свет метров на пять вокруг.

– Понял?

– Нет. Как он возник?

– Да всё же элементарно! Сосредоточься и смотри ещё раз. Внимательнее!

Я напрягся. И опять перед глазами возникли толкающиеся шарики, только уже без дурацких улыбочек и глазиков. Вот они задрожали всё быстрее и сильнее, начали сталкиваться друг с другом, Мельтешение переросло в совершенно хаотичную расплывающуюся картинку, и, внезапно всё пространство зажглось ослепительным факелом. Я расслабил взгляд. Рядом с первым шариком висел второй – его точная копия.

– Уф! – выдохнули мы одновременно с кошкой.

– Дошло, наконец?

– Кажется, да.

– Повтори сам.

Наконец-то у меня получилось! К двум висящим пульсарам добавился их брат-близнец.

– Ну, скоро вы там? Может, пойдём уже? – пёс ткнулся носом мне под коленку.

– Так получилось же! – не смог скрыть я ликования я.

– Где? – Добрыня начал озадаченно озираться.

– Не мешай! – неожиданно рывкнула на него Варежка. – Уже скоро.

– Я не понял, они что, ничего не видят?

– Не отвлекайся, – это уже мне, – естественно, не видят. Я же не маг, как некоторые. По крайней мере, не такой сильный. И создала всего лишь иллюзию, видимую только нам двоим. Ты же повторил её за мной.

– А как же?..

– А теперь воплоти её.

– Каким образом?

– Тебе слово подсказать?

– Хм... Воплотись! – слово вышло какое-то по-детски неуклюжее, но, тем не менее, сработало оно превосходно.

– Вот это да. Получилось! – собак радостно запрыгал вокруг меня, виляя хвостом.

Я некоторое время ещё любовался тремя шариками, пока Варька не погасила две первых, созданных ею, иллюзии.

– Может, мы всё же двинемся дальше? – в первый раз за всё время нашего знакомства полиморф обратился не к гоблину, а ко мне.

– Конечно-конечно, извините.

Настроение вернулось. Мы бодро двинулись прерванным, было, маршрутом. Я же, в качестве тренировки, не более того, – ну-ка, ёлочка, зажгись! – украсил периметр нашей группы разноцветными светящимися шарами. Как оказалось – зря. Буквально через четверть часа, из-за горизонта выкарабкалась огромная луница абрикосового цвета и залила равнину призрачным жёлтым светом, практически сравняв ночь с ранними сумерками.

Наши приключения с восходом нового светила продолжились. Со всех сторон раздалось неяркое шуршание, и, прямо из-под земли, насколько доставал взгляд, полезли тонкие белесые нити, извиваясь и вытягиваясь вышину.

Я в панике начал топтать неведомые создания ногами. Но,

как выяснилось, непосредственной опасности они для нас не представляли. Утолщаясь прямо на глазах, они начали ветвиться, затем выпустили широкие остроконечные листья, и, наконец, молниеносный рост закончился. Как, впрочем, и дорога. Всё вокруг заполнили непроходимые джунгли из ночных растений.

– Магия? – спросил я, непосредственно ни к кому не обращаясь.

– Нет, не похоже, – принялся дракон.

– Жечь будем?

– Не стоит. Давайте уж, наконец, привал сделаем. Утром, я думаю, они сами исчезнут.

На том и порешили.

* * *

Разбудило меня осторожное прикосновение к руке. В полумраке я разглядел дракона, который недвусмысленным жестом просил сохранять тишину. Потом так же беззвучно поманил меня за собой. Я поднялся и вышел на открытый воздух. Добрыня не проснулся. Кошка же приоткрыла глаза, проводила меня и Федю сонным взглядом и тоже осталась на диване.

Снаружи заколдованной мною огромной армейской палатки по-прежнему царилась ночь. Если период обращения планеты и её спутника примерно равнялся земному, то по-

спать мне и в этот раз удалось немного – часа три от силы. Огромный глаз местной луны продвинулся едва ли на четверть небосклона.

Дракон, достигнув края вытоптанной и выжженной нами поляны, так же неслышно ввинтился между древовидными стволами ночных растений достигших уже моего объёма в толщину. Я постарался не отстать. Проплутав совсем немного – не более десяти минут, Ящер вывел меня на открытую полянку диаметром метров в пятьдесят, по какой-то причине проигнорированную ночными растениями. Ещё раз приложив палец к губам, он начал трансформацию.

Через несколько мгновений на меня уставились огромные глаза.

– Садись верхом, – услышал я мысленную просьбу.

Ёлки зелёные! Как же залезть на эту тушу? По хвосту, что ли, забираться?

Видимо, поняв мои сомнения, Федя выставил вперёд переднюю лапу.

– Наступай смелее и держись за гребень.

Садись на меня, Айболит...

Я с трудом взгромоздился на ящера и уселся в удобную ложбинку у основания шеи.

– Ничего не бойся, и не вздумай колдовать, пока я высоту не наберу.

Дракон резко оттолкнулся от земли и взмыл в вышину. Меня инерцией немного отклонило назад, хотя и не так сильно, как можно было ожидать.

О, если я упаду, если в пути пропаду...

Первые секунды я судорожно цеплялся за драконью шею. Обхватить её целиком у основания не получалось, и мне казалось, что я вот-вот соскользну. Я сидел, зажмурившись, пока ящер, добродушно хехекнув, не поинтересовался:

– Ты не заснул там, часом?

И одно только слово твердит: «Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо...»

– Не... просто страшно. Я на лошади-то пару раз в жизни катался.

– Нашел, кого с кем сравнивать! У меня, между прочим, гравитационная поддержка седока есть. А у лошади?

– А, ну тогда ясно. Я и сам что-то подобное почувствовал.

Открыв глаза, я наконец-то посмотрел вниз. Под нами проплывали однообразные пейзажи. Всё те же матово-белые травянистые деревья. Лёгкий ветерок рябью пробегал по их верхушкам, залитым желтоватым светом луны.

Немного в стороне от нашего курса я заметил семейство крупных животных, неспешно проедающих просеку в ноч-

ных джунглях. Судя по соотношению их размеров и выши-
не деревьев, они были побольше нашего крылатого ящера.
Длинные шеи вздымались над кронами, выискивая наиболее
лакомые ветки и листья. Этакie иномирянские диплодоки.
Хорошо, что от них до нашего лагеря порядочное расстоя-
ние. Не хотелось бы столкнуться с ними поутру.

Отвлёкшись на неведомых зверей, я не сразу разглядел
цель нашего путешествия.

– Посмотри вперёд, – дракон опустил голову пониже,
и мне открылось сказочное зрелище.

Далеко впереди, на небольшой возвышенности стоял ска-
зочный замок. С такого расстояния он выглядел настолько
идеально-игрушечным, как будто только что сошёл с застав-
ки Диснеевских мультяшек. Переливаясь всеми цветами ра-
дуги, он, по мере нашего приближения вырастал в размерах,
и, вот уже в нём не осталось ничего игрушечного. Стало по-
нятно, что замок этот совершенно материален, и своей вы-
сотой не уступает зданию МГУ в Москве, как минимум.

С трудом оторвавшись от завораживающего зрелища, я
посмотрел вниз. По мере приближения к замку, заросли
понижались, истончались, постепенно сходя на нет. Вско-
ре под нами вновь потянулась травянистая равнина, кое-
где оживлённая небольшими тёмными рошицами, наподо-
бие той, в которой нас застал неожиданный снегопад.

Когда до замка осталось не более километра, дракон по-
шёл на снижение. Посадка вышла удивительно мягкой – ещё

более незаметной, чем взлёт. Федя вновь выставил лапу, помогая мне слезть.

– Всё, дальше дороги нет.

– Как нет?

– Там, впереди, через десяток шагов купол. Вроде бы агрессивной магией не пахнет, но трогать я не стал – вдруг там сигнализация какая сработает.

Никакого купола я не замечал. Внезапно мне в голову прибилась одна интересная мысль. Постаравшись сосредоточиться так же, как я делал, пытаюсь вызвать световой пульсар, я ещё раз глянул вперёд. Да. Купол был. Правда, с высоты моего роста он казался не полусферой, а скорее почти ровной стеной, уходящей далеко в обе стороны, и постепенногибающейся, теряясь из виду.

– Ты же днём говорил, что ничего кроме развалин не нашёл.

– Так это они и есть – развалины. Днём они руинами и были. А вот купола как раз тут и не замечалось.

Я прикинул мощь заклинания, способного вот так запросто возродить такую махину. Впечатлился.

– Может иллюзия?

– Нет. Я первым делом проверил.

– Как?

– Технология проверки объекта на материальность, – лекторским тоном начал дракон, – заключается в последовательном исключении низко-, средне- и высокоуровневых

квантовых...

– Хватит-хватит уже. Всё понял, товарищ профессор – убедили. И что теперь?

– Не знаю. Но мне кажется, что если нам кто-то и мешает продолжить путь, то этот кто-то находится здесь. Больше нигде.

– Тогда может пусть гоблин с полиморфом решают?

Дракон уселся на хвост и уставился куда-то на луну. Пауза затягивалась.

– Чего молчишь-то?

– Ты знаешь, Василий, – как то неуверенно начал он, – какой-то странный это полиморф. *Очень странный.*

– И в чём его странность?

– Вот каббарра! Всё время забываю, что ты изолят. Видишь ли, за всё время нашего, пусть и недолгого, путешествия, он ни разу не поменял облик.

– А должен был?

– Не принципиально. Он может, конечно, неограниченно долго находиться в одном и том же облике, но тот, в котором он сейчас – так называемый образ покоя, релаксации. В общем, спят они так. Или длительно отдыхают.

– Но какой же тогда их другой облик?

– Да какой угодно. Может изобразить тебя, например, или любого из твоих зверей. Если постарается, то может и мной прикинуться. Но это уже матёрые, как правило, старые ту-манники.

– Ну, подумаешь! Может он полностью доверяет проводникам, и просто получает удовольствие от путешествия...

– Ага, особенно когда ты чуть не разметал нас своим ураганом. Или когда стало понятно, что все коридоры отсюда закрыты. Море удовольствия!

– Тогда – не знаю. У тебя-то какие предположения?

– Видишь ли, когда полиморф принимает какой-либо облик, человека, к примеру, он принимает его целиком – тело, волосы, одежда, украшения... Конечно, если он возьмёт что-то в руки, то этот предмет – ложка, палка там, или бластер, с туманником не сольётся. А вот раздеться ему будет проблематично. Если, конечно, он перед этим не трансформировался в обнажённого человека и не одел потом обычную одежду. Понимаешь?

– Не совсем. Он что – в нынешнем виде может что-то поглотить?

– Скорее спрятать. Причём это что-то вполне может быть очень большого размера. Раз в десять больше самого полиморфа. И если он решит принять любой фиксированный облик, то спрятанная вещь непременно проявит себя. Просто вывалится из тумана.

– Понятно. «Всем выйти из сумрака».

– Что-что?

– Нет, ничего, просто так – цитирую. А что гоблин?

– Что – гоблин? Мы с ним встречались несколько раз. Я даже разок его на гонки приглашал – наездником. Ух, мы

с ним тогда отметили... – глаза дракона заволокло мечтательной дымкой. Из ноздрей выбились тоненькие струйки пара, – впрочем, неважно. Понимаешь, Кормоед – он профессиональный проводник. Скажут принца Чучкестии проводить на приём в соседний сектор – проводит. Скажут породистую свинью на соседний мир доставить – доставит. Лишь бы платили. Лишние вопросы в их клане, а клан самый многочисленный в гильдии проводников, задавать не принято. Пришёл заказчик, оформил официальную заявку – и вперёд. Правда, случаются «левые» ходки, но глава клана, как наш гоблин, такими вещами заниматься не станет. Или станет, но слишком уж дорого такая услуга заказчику обойдётся.

Дракон замолчал. Мне тоже сказать было нечего – я думал. Вспоминал всё произошедшее со времени нашего знакомства с Кормоедом, но не находил, к чему можно было бы придаться. Так что я решил пока выкинуть все эти заумности из головы, но на всякий случай продолжить постигать науку волшбы. Пусть медленно и осторожно, методом проб и, надеюсь, не фатальных ошибок, но всё же двигаться вперёд. А то – мало ли...

– То есть ты меня сюда привёз совсем не для того, чтобы замок показать?

– И для этого тоже. Но, ты правильно меня понял – хотелось поговорить без свидетелей, предупредить. Мне-то что – меня обычному магу не достать. В крайнем случае, если

останусь без проводника, проживу на каком-нибудь мире пару-тройку тысячелетий. Потом всё равно как-нибудь выберусь. А ты ещё очень неопытный. И в этом все убедились. Так что будь осторожнее.

– Постараюсь. Нашим-то сообщать о замке будем?

– Можно и рассказать. Всё равно завтра сюда доберёмся. Ну, что – полетели обратно?

– Полетели...

Я вновь оседлал дракона, и мы, в последний раз полюбовавшись на феерическое зрелище в ночи, полетели обратно.

Прибыв в исходную точку, Федя проводил меня до палатки и вновь растворился в ночи, заявив, что в ближайшем будущем ему сон не потребуется. Я же, тихонько, чтобы никого не разбудить, прокрался в палатку и заснул под привычное мурканье Варезки. Больше до утра нас никто не тревожил.

* * *

Утро красит нежным светом

Стены древнего кремля.

Просыпается с рассветом

Вся советская земля...

Несмотря на ночное приключение, проснулся я самый первый. Решив не будить спутников, я выбрался из палатки и принялся готовить завтрак. Раннее солнышко, скорее всего уже показалось где-то над горизонтом, только ночная рас-

тельность не спешила ни втягиваться обратно под землю, ни исчезать каким-либо другим способом.

Решив немного усложнить себе жизнь, но при этом заняться творчеством, я не стал напрямую наколдовывать готовую еду. Вместо этого, воссоздал свою кухню – прямо на земле, но зато со столешницей, газовой плитой (правда не с магистральным газом, а с балонным), шкафчиками с посудой и приправами, и, конечно, с несомненным императором любой кухни – его величеством Холодильником.

Оценив это великолепие, я понял, что жарить банальную яичницу, пусть даже с ветчиной – овчинка выделки не стоит. Поэтому принялся творить.

Вскипятив воду в двух кастрюльках, я бросил в одну из них горсть крупных креветок, а в другую кусок куриной грудки. Оставив эти ингредиенты вариться самостоятельно, я достал из холодильника кочан салата и принялся мелко рвать нежные сочные листья на большую стеклянную тарелку. Самое главное не увлечься, и не переварить креветки. Но я не волновался – у меня был отличный индикатор их готовности.

Порывшись по шкафчикам, я понял, что у меня дома, а значит и здесь тоже, закончились пшеничные сухарики. Я задумался – сотворить уже готовые, или приготовить самому – из свежего ароматного хлеба, пожарив их до золотистого состояния на хорошем сливочном масле. Решил – не заморачиваться, и наколдовал готовые.

А тут как раз сработал креветочный индикатор – из палатки, сладко потягиваясь, подтянулась Варежка и стала, как бы ни на что не претендуя, умываться в сторонке. В то же время, украдкой поглядывая на кастрюлю – не пора ли снимать?

Ага, значит, креветки готовы. Слив воду, я выловил из горячей шуршащей массы пяток членистоногих, обжигая пальцы, почистил их, и оставил на столе остывать. Кошка подтянулась поближе. Нет, Варёк, подожди – горячими я их тебе не дам.

Посыпав сухариками измельчённые листья салата, я принялся за изготовление соуса. Вообще-то, для «цезаря» существует специальный соус, но мне больше нравился самый простой – майонез, обильно приправленный чесноком. Почистив и раздавив аж четыре крупных зубчика, я смешал полученную кашицу с небольшим количеством майонеза.

Варька, напоминая о себе потёрлась спинкой о ноги. Помню-помню. Подхватив кошку под мягкий животик, я посадил её прямо на столешницу. А что – всё равно бросать – не жалко. Варежка приступила к трапезе.

А тут и курятина подоспела. Выловив и остудив её, я принялся отщипывать мелкие кусочки, укладывая их горкой посередине блюда. Варёк покосилась на курятину, но, видимо решила, что креветок будет достаточно.

Завершив разделку курицы, я залил её соусом.

Теперь – пармезан. Потереть обязательно на мелкой тёрке, чтобы нижний слой вплавился в майонез. Просто пре-

лесь! Так, где-то у меня тут кедровые орешки? Вот они. Очищенные, естественно. Небрежным жестом сеятеля посыпать получившуюся горку – и пусть скатываются по краям – так даже красившее будет.

Дочистив оставшиеся креветки, я живописно разложил их на склонах курино-сырно-ореховой горы.

Последний штрих – порезанные на две часть махонькие помидорки-черри разложить по краю тарелки. Всё – «цезарь» готов. Пусть и не совсем классический, но такой, как мне нравится.

И, конечно же – чай. Большую кружку. Зелёный с жасмином. И две... нет – три ложки сахара. Вот теперь можно и позавтракать.

* * *

Когда я заканчивал трапезничать, из палатки подтянулись сони. Добрыня, не останавливаясь, рванул в заросли, а гоблин и полиморф сразу направились ко мне. Кормоед оценил кухонное великолепие и взгромоздился на стул. Туманик болтался рядом с ним. Учитывая разницу в биохимии, ни один из них не поинтересовался содержимым моей посуды. Гоблин начал выуживать из кармана какие-то серые шарики и кидать их в рот, поедая со смачным хрустом. Как питаются полиморфы, и питаются ли вообще – я не видел.

Добрыня вынырнул внезапно и уселся, довольно подметая

ЗЕМЛЮ ХВОСТОМ.

– Что вы хотите на завтрак, сэр? Говядину, курочку... а, может, овсянки?

Пёс, вопреки ожиданиям, от еды отказался. Видимо успел схарчить какого-то местного зверька.

Последним к нашей компании присоединился дракон, опять-таки выйдя в человеческом облике из-за деревьев. Мы устроили экспресс-планёрку. Для начала, Добрыня попробовал ещё раз найти коридор – безрезультатно. Потом, как-то вспомнили, что у нас есть ещё один ведущий. Оказалось, что сам-то гоблин прекрасно об этом помнил, но понятия не имел о маршруте, проложенным Добрыней, поэтому и не возникал. Пёс попытался ему объяснить координаты возможных точек выхода, но Кормоед заявил, что для точного ориентирования в континууме, ему необходимо было «держаться» маршрут с самого начала. А в нынешнем случае – он не более, чем балласт.

– Стоп! Неожиданно озарило меня. Вперёд ты двигаться не можешь – понятно. Ну, а назад-то?

– Назад? – все недоумённо переглянулись. Такая простая мысль никому до сих пор не приходила в голову. – Да – назад. Вернуться в предыдущий мир и пройти в обход.

Здравая идея взбодрила всех. Подхватив вещи, у кого они были, мы прямо с этого места попытались стартовать.

Мысль оказалась не совсем здоровой. Вернее – совсем «не». Дороги по-прежнему не было.

Мы приуныли. Самое обидное, что даже продолжать путь на своих двоих (четырёх) не имело смысла. Густой ночной, а теперь, как оказалось, и утренний лес не думал исчезать.

– Ёлки! Остаётся, видимо, один путь..., – я с надеждой посмотрел на дракона. Тот ответил мне понимающим взглядом. Видимо такая идея ему тоже приходила в голову.

– Только всех за один раз я не унесу. Придётся сделать два рейса.

– А как же я? – вмешался Добрыня. – Мне верхом не удержаться.

– Ничего страшного, – успокоил его Федя. – Подхвачу тебя передними лапами.

– Ага, ничего страшного! – передразнил собак. – Ты когти-то свои видел?

Начавшийся спор прервал полиморф:

– Я не полечу.

Сказано это было так категорично, что все сразу поняли – уговоры бесполезны. Однако я решил попробовать. Закосив под дурачка начал:

– Но в этом нет ничего страшного. Достаточно просто принять другую форму...

– Я не буду трансформироваться. Всё – разговор окончен. Дракон многозначительно посмотрел на меня.

За всеми нашими разглагольствованиями прошло уже достаточно времени, и солнце успело подняться довольно высоко. Начало припекать. Неожиданно, с восточной стороны

послышался шорох – сначала тихий, потом всё нарастающий и приближающийся к нам. Не успели мы напрячься, как нас накрыло с головой шуршащими, лопающими, чвякающими звуками. Все деревья вокруг нас стали за считанные мгновения выбрасывать мелкие бутоны, которые тут же раскрывались и распускались мелкими невзрачными цветками. Цветки, впрочем, сразу набирали яркость, и вскоре мы стояли в центре бушующего цветника всех оттенков – от бледно-розового, до глубокой сочной охры. Воздух заблагоухал припорным ароматом.

Шорох, затихая, укатился на запад, а вслед ему с востока начало наползать низкое басовитое гудение. Вслед за цветочной волной пришла волна насекомых. Похожие на обычных пчёл, только раза в два побольше, они облепили каждое растение сплошным шевелящимся покрывалом. На нас, к счастью, насекомые внимания не обращали. Вскоре и гигантский рой отправился вслед за кормёжкой, оставив после себя совершенно увядшее бывшее великолепие. На месте каждого цветка осталась быстро высыхающая семенная коробочка величиной с грецкий орех.

Услышав третью звуковую волну, все поспешили юркнуть под защиту толстого брезента палатки.

– Саид, ты как здесь оказался?

– Стреляли...

По стенкам замолотило с такой силой, что я всерьёз задумался об их укреплении. Например, кирпичной кладкой. Или железобетонной. Только прежде чем я принял какое-то решение, обстрел семенами прекратился. На всякий случай, выждав пару минут, мы высунули носы наружу.

Леса уже практически не было. Рассыпающиеся в труху прямо на глазах стволы покрывались густой маслянистой жижой, в которую превращались сочные листья. Вся эта каша укрыла отстрелянные семена и начала проворно впитываться в землю.

Пять минут – и сквозь обнажённую буроватую почву начали пробиваться ростки обычной травы, по которой мы пришли сюда вчера.

Вспомнился Виктор Цой:

*«Через час она – просто земля,
Через два – на ней цветы и трава
Через три она снова жива...»*

Н-да. Здесь, пожалуй, и часа не прошло. Вот это метаболизм!

Порадовавшись счастливому избавлению от непроходимой преграды, мы наконец-то тронулись в путь.

Поначалу идти было достаточно сложно – под ноги временами попадались трухлявые пеньки, коварно скрытые вытянувшейся дневной травой. Да и скопившиеся в низинках скользкие лужицы не успевшей впитаться слизистой массы,

заставляли осторожничать. Но мы, подстёгиваемые досадной задержкой, пёрли напролом. А зря. Через пару часов даже дракон, из соображений конспирации топающий в человеческом облике, начал уставать. Хорошо было только кошке, которая, не утруждая себя пешим ходом, комфортно путешествовала – то у меня на плече, то на собачьей холке. Добрыня, впрочем, благодаря своей собачьей выносливости, пока держался молодцом, умудряясь даже совершать короткие забеги в стороны, привлечённый интересными запахами.

Тем не менее, наше продвижение постепенно замедлилось. Я уже совсем предложил было сделать привал, однако с тревогой заметил, что солнце уже перевалило середину небосклона и начало плавно скатываться к горизонту. Видимо сутки в этом мире всё же были намного короче земных. Пришлось поднажать, несмотря на усталость. Забыв про отдых мы – кто чем – перекусили на ходу и прибавили скорости. Провести ещё одну ночь в зарослях не хотелось никому. Федя, правда, заверил нас, что мы обязательно успеем до темноты, но рисковать не стоило. Когда до границы осталось совсем чуть-чуть, солнце уже наполовину скрылось за горизонтом. Пришлось перейти на бег.

Проскочив невидимую черту, мы по инерции промчались ещё шагов пятьдесят и остановились, тяжело дыша. Правда, остановку сделали только мы с драконом. Наши спутники рванули, было, дальше, но, поняв, что группа резко поубавилась, тоже остановились, с недоумением глядя на нас.

Сбившись с дыхания, я не стал ничего объяснять, неопределённо махнув рукой в сторону уже вполне различных развалин, которые сейчас выглядели действительно, как нагромождение кучи камней, с редкими фрагментами сохранившейся кладки. Надо сказать, что мы с ящером не стали рассказывать спутникам про ночную вылазку, решив, что замок они и так увидят, а вот напрашиваться на вопросы о том, куда нас носило в тайне от других, совсем не стоит.

Не успели наши спутники налюбоваться целью нашего сегодняшнего похода, как звонкое «Бам-м-м!» заставило всех обернуться. Купол возник на том же месте, что и вчера. Правда изнутри он был более чем заметен и напоминал огромную половинку мыльного пузыря с толстыми, не менее десяти сантиметров стенками. Проверять пузырь на прочность всё же не хотелось.

Второе «Бам-м-м!», на октаву ниже первого, раздалось со стороны руин. Теперь наше внимание было приковано вперёд. Из-под разрушившихся стен то тут, то там, начали выстреливать в быстро темнеющее небо яркие разноцветные снопы света. Нарушая все законы физики, они преломлялись на разной высоте и под разными углами. Всё больше и больше неведомых прожекторов зажигалось впереди, а из световых линий начали явственно складываться контуры виденного уже нами с драконом замка. Мы с Федей ещё смутно могли предположить нечто подобное, а наши спутники стояли, заморожено наблюдая за действием, не в силах произне-

сти ни слова.

Третий удар невидимого колокола был уже на грани инфразвука, и заставил содрогнуться не только нас, но и почву под ногами. Иллюзорный замок мигнул и обрёл материальность, представ перед нами в том же виде, что и вчера ночью. Мы, до глубины души, поражённые грандиозностью увиденного, осторожно двинулись вперёд.

* * *

Ужин удался на славу. Много раз я читал в книгах, да и видел в фильмах богатые, по-царски уставленные яствами пиршественные столы, но вот посидеть за таким довелось впервые. Икра чёрная, красная и заморская баклажанная соседствовали со всевозможными мясными, рыбными блюдами и гарнирами. Лёгкое, чуть игристое вино подстёгивало аппетит и неторопливую беседу.

Не портило убранство стола наличие сомнительного вида блюд, которые предназначались явно для гоблина. Даже полиморф, впервые на моей памяти, отрастил туманное щупальце и погрузил его в объёмистый пузатый кувшин.

Нашими гостеприимными хозяевами оказались очень милые, вполне себе человеческой расы, старичок со старушкой, которые назвались Моранусом и Мораной. Они рассказали, что являются магами-практиками, но, с возрастом удалились от дел и решили пожить в своё удовольствие на одном из за-

терьянных миров между секторами – отдохнуть, так сказать, от мирской суеты. Но гостям, даже редким всегда рады, потому что новостей хочется, а путешествовать только ради свежих сплетен лень.

Кроме старичков в замке никто не жил. В качестве слуг – а бытовые мелочи на каждом шагу колдовать не станешь – они использовали неких фантомных гомункулусов. Парочка таких созданий прислуживала нам за столом, поднося новые блюда и убирая грязную посуду. Этакие гуманоидные куклы – руки, ноги, туловище, голова-шарик без глаз, носа, рта и ушей. Не смотря на это, со своими обязанностями справлялись они отлично. Немного напрягала только их манера появляться прямо из стены и уходить в онаю.

Один такой встретил нас, когда мы насторожённые и подавленные машиной замка подошли к массивным воротам. Не говоря ни единого слова, он подобострастно распахнул калитку в воротах, явно приглашая войти. Да и вообще, весь его вид и жесты настолько напоминали услужливого дворецкого, что половина страхов тут же испарилась. А уж когда в огромном холле нам навстречу выбежал умильный старичок с энштейновской причёской и улыбкой от уха до уха, мы и подавно успокоились. Где-то на задворках сознания, правда, крутилась мысль о том, что просто так переходы между мирами не блокируют, но, подумав, я отогнал её – может просто таким образом маги-пенсионеры привыкли заполучать к себе гостей и, соответственно, свежие новости, себе-

седников и сотрапезников.

– Какая замечательная у вас кошечка, – прервав трёп «ни о чём», – обратилась ко мне Морана. – Не хотите ли её продать? Мы можем рассчитаться золотом или редкими артефактами. Магические услуги, извините, не предлагаю – только если в пределах этой планеты.

– Нет, очень жаль вас огорчать, но кошка не продаётся. Это, можно сказать, член моей семьи.

Я хотел, было, в шутку поинтересоваться у Варежки – как ей идея быть проданной на неизвестном мире, но, встретившись с ней глазами, передумал – Варёк недвусмысленно водила зрачками из стороны в сторону, даже не шевеля при этом головой. Тут я осознал, что за весь вечер ни она, ни Добрыня, не произнесли ни слова. Странно – решили в бессловесных тварей поиграть? Чтобы замять неловкость вызванную отказом, я поинтересовался:

– А расскажите, зачем вы каждый раз утром замок разрушаете? Ну, или прячете?

Старички переглянулись. После этого Моранус завёл длинный рассказ о том, как в одном мире он получил патент на магическую маскировку зданий на случай военных действий, дабы неприятель, видя развалины, не обращал на них никакого внимания. На самом деле, иллюзией были только руины, а замок просто становился невидимым. Однако, через некоторое время, другой маг подал на него в суд, заявив, что Моранус украл у него идею, которую давно с успехом

применяют в нескольких отдалённых мирах. Покуда колдунский суд вникал в суть дела, наш хозяин успел переругаться более чем с половиной ковена, и, послав всех далеко и ещё дальше, удалился с сестрой на этот мир. А в отместку (кому, спрашивается?) установил своё изобретение на суточный цикл в этом замке.

К концу его повествования клевали носом все – даже сам рассказчик начал путаться и повторять одни и те же эпизоды.

Ещё через какое-то время, Морана мягко попеняла брату на нескончаемый рассказ, и мы разошлись спать в отведённые нам покои.

Уже засыпая на огромной мягкой кровати, я вдруг понял, что не попросил старичков снять с утра блокировку с межмировых переходов, но решил сделать это завтра прямо с утра. С тем и заснул.

* * *

Пробуждение было прямой противоположностью отходу ко сну. Низкий сырой потолок, покрытый отвратительной слизью, нависал над головой. Поросшие фосфоресцирующим лишайником стены маленькой камеры два на два метра явно напрашивались на название – склеп. Дверей в стенах не было. Каменный же пол покрывала в одном углу солома. Правда, не гнилая – и на том – спасибо.

Вот это попадец какой-то!

Хотя... кто это посмел заточить меня? Тут вам не там – тварь я дрожащая, или менеджер континуума? Обойдя по периметру место своего заключения, я простучал все стены. Никаких потайных или замаскированных выходов не обнаружилось. Каменный мешок прямоугольного профиля.

Собрав солому более-менее ровной кучкой, я сел на неё и крепко задумался. Пока я совершал обход временных, надеюсь, владений своих, весь запал немедленно всё сломать и сокрушить несколько поутих. Требовалось всё хорошенько просчитать. Итак – что мы имеем?

Во-первых – магия. То, что я теперь заделался крутым волшебником – это несомненный плюс. Но «Есть у меня диплом, только вот дело в том, что всемогущий маг лишь на бумаге я»! А у меня и диплома-то, в отличие от незадачливого героя песенки Аллы Борисовны, не наблюдалось. И в том самый главный минус. Допустим, что мне глубоко безразлично – откуда берутся все те вещи, которые мне удаётся наколдовывать, но потом-то они начинают жить по обычным физическим законам. В этом я убедился недавно, когда экспериментировал со стихиями. Если бы не вмешательство серой четвероногой энциклопедии, даже световой шарик не смог бы освоить. Так что, просто так отсюда не проломишься. И как построить банальный телепорт, и вообще, возможно ли это в принципе – не имею ни малейшего понятия.

Во-вторых – точное местоположение. Допустим, я найду

способ пробиться сквозь толщу стен или потолка. Обзаведусь перфоратором или пневмомолотом, генератором, буду регулярно обновлять воздух, убирая угар. А дальше? При условии, что этот милый каземат находится на глубине хотя бы нескольких метров, то меня просто завалит обломками. А если этих метров не несколько, а десяток? Или сотня?

В-третьих – мои спутники. Где они и что с ними? Припомнив все возможные способы общения, я попытался мысленно докричаться до Варьки, потом Добрыни, потом до Феди. Наконец, хоть таким образом с ними не общался, на всякий случай до гоблина и полиморфа. Ноль эмоций. Единственно чего я добился – так это лёгкой мигрени, которая, впрочем, прошла сама через минуту. То ли для такого общения необходим зрительный контакт, то ли слишком далеко нас разнесло, а может и толща почвы надо мной экранирует. Ладно, оставим вопрос со спутниками на потом.

И, в-четвёртых – кто всё же виноват? Наши гостеприимные хозяева? Учитывая, что некоторые странности в их словах и поступках вчера проскальзывали, можно было списать всё на них. Но возникал резонный вопрос – зачем? Предположим, что до убежища пенсионеров добрался тот недруг Морануса, о котором он вчера так незанимательно рассказывал, а мы просто попали под горячую руку. Но в столь неудачное совпадение поверить было ещё сложнее. Скорее уж мы стали жертвой каких-то третьих сил.

За всеми размышлениями я не заметил, как совершенно

заледенела спина – камни, показавшиеся поначалу совсем не холодными, всё же исправно вытягивали тепло. Ни лёгкая футболка, оставшаяся после сна, ни слой светящегося лишайника от холода не спасали. Ну, это дело поправимое. Нужна нам, скажем, тёплая кожанка с меховой подкладкой. Была у меня дома такая – старая, но добротная – с собакой в лес ходить. И какие-нибудь джинсы. Подойдут и те, что были на мне вчера. Ещё кроссовки с носками. Алле...

...Оп! От безумной, разрывающей сознание вспышки головной боли, глаза заволокло слезами. Хорошо, что сидел. Руки и ноги стали ватными, во рту появился привкус крови, и гулким колоколом в висках застучал пульс.

Проморгавшись от слёз, я всё же увидел заказанный мною гардероб, кучкой материализовавшийся около босых пяток. М-да, уж. Вот это эффект! Особенность моей камеры? Наведённая лично на меня порча? Гадать бессмысленно. Более-менее оправившись от такого отката, я оделся. Что ж – ладно. Больно, но не смертельно же. Надо выбирать. Только вот как?

И тут, застонав от собственной глупости, я мысленно хлопнул себя по лбу! Ведь материальные предметы отзываются на мои приказы о трансформации. Вспомнить хотя бы злополучную лужу перед домом, которую я вскипятил в порыве праведного гнева.

Примерившись к противоположному от себя углу на потолке, я приготовился к новому истязательству моей голо-

вушки, и, показав коронный «факью», со злостью воскликнул:

– Что б ты, каменюка поганая, в воздух превратилась!

Скрутило так, что мама не горюй! На этот раз раскололась не только голова – я понял, что могли бы почувствовать мультяшные герои, которых закручивает винтом оборотов эдак на десять, а потом резко раскручивает в обратную сторону. Многострадальный мозг, казалось, взорвал изнутри черепную коробку и разметался по всей камере. Наконец благословенная спасительная тьма в который раз за последние дни пришла ко мне на помощь.

* * *

Я люблю старые советские песни. Причём не только попсу, которая раньше и не называлась этим обидным словом, в наши дни вполне обоснованно применимым к большинству современной эстрады. Нравится мне и старый шансон, и весёлые утёсовские композиции, и СССР-овская классика того же Свиридова заставляет с сожалением пронестись в голове избитой фразе: «Такую страну профукали!». А уж всем известные раньше, а теперь незаслуженно забытые патриотические марши-гимны, как в старые добрые времена будоражат кровь и навевают желание собраться и поехать покорять целину, строить БАМ, или совсем уж лететь к далёким планетам и оставлять свои следы на их пыльных тропинках.

Одну из таких песен я установил на свой мобильник в качестве звонка. Когда в разношёрстной толпе какого-нибудь супермаркета из моего кармана жизнеутверждающе звучит «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди», отрадно видеть, как на миг замирает, а потом ностальгически-радостно начинает улыбаться среднее поколение. Как распрямляются спины и зажигаются блеском глаза бабушек и дедушек – ветеранов героического трудового фронта битв за урожай и пятилеток в четыре года. Даже успешные бизнесмены и топ-менеджеры компаний, оказись по близости, с удовольствием вслушиваются в знакомые с детства слова и ностальгически кивают в такт своим воспоминаниям о светлом будущем, оставшемся в далёком прошлом.

Я открыл глаза. Магическим ли откатом, или физической ударной волной, но меня отбросило в самый угол моего невольного пристанища, свернув в позу эмбриона. Голова кружилась. Во рту кололся изжеванный клочок соломы. Из-под ногтей на правой руке сочилась кровь, а на стене обнаружались длинные тёмные полосы, оставшиеся на месте содранного лишайника.

Зато из кармана джинсов жизнеутверждающе лились слова:

*«...И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди...»*

С трудом выцарапав из тесного кармана мобильник, я в недоумении уставился на светящийся экран. Вызов. Входящий. Ладно бы просто под землёй, так ещё и в мире, где не только никаких вышек нет, так ещё и ни об одном сотовом операторе не слыхивали. Это какой же мне роуминг насчитают?

Сфокусировав взгляд на входящем номере, я вообще перестал что-либо понимать. Звонил начальник. Любимый. В кавычках любимый. В больших таких колючих кавычках. Я нажал на кнопку ответа.

– Алло?

– Василий Михайлович! Что вы себе позволяете? Сегодня же последний день сдачи проекта. Я понимаю, можно заболеть, можно даже загулять с водкой и бабами, но ваша безответственность...

Я отодвинул трубку подальше от уха. Если начальник начал распинаться, то диалог ему не нужен. Минуты две он будет сыпать проклятиями и угрозами в монопольном режиме. То, что он сам целый месяц затягивал начало работы над проектом, его не волновало. Сейчас, скорее всего, он искал стрелочника, на которого можно перевести праведный гнев заказчиков и руководителей холдинга. Кстати вспомнилось, что сейчас на Земле понедельник, скорее всего ближе к обеду. Я вновь прижал телефон к уху.

– Алло... Ты кто – директор? – в трубке недоумённо затихло. Скорее всего, мой босс не смотрел популярный в своё

время флеш-сериал про похождения Масяни. Или подзабыл несколько фраз из него, ставших крылатыми.

– Директор, – осторожно донеслось из мобильного.

– Да пошёл ты в ж... , директор. Не до тебя сейчас...

Я нажал отбой, и, не смотря на трагизм положения, с блаженной улыбкой откинулся на солому.

Поблуждав взглядом по небогатому жизненному пространству, доставшемуся в моё распоряжение, я натолкнулся на углубление в потолке. Как раз в том месте, где приложились мои магические усилия. Результат впечатлял. В плохом смысле слова. Мне удалось пробиться не более чем на десять сантиметров в глубину. Да и диаметр наметившегося отверстия оставлял серьёзные сомнения в том, что мне удастся в него протиснуться, окажись попытка более удачной. Такими темпами я лет триста буду выбираться. Монте-Кристо нервно курит в сторонке. А учитывая вспышки боли, сопровождаемые каждое магическое действие... грустно.

Телефон вновь запел голосом Кобзона про неба утреннего стяг. Видимо начальничег успел отойти от шока, и решил добить меня по полной. Я уж совсем, было, собрался отключить девайс, как вспышкой мелькнуло озарение. Ай, спасибо, дорогой ты мой руководитель. Жив останусь – с меня «Хеннеси VSOP», как минимум. Хотя ты и не узнаешь, благодаря чему я так расщедрюсь.

Ключевое слово – проект. Уж не знаю, проектировал ли кто-нибудь когда-нибудь данное помещение, но, даже если

и нет, то проект всегда можно нарисовать и задним числом.

Уставившись в пол перед собой, я возжелал:

– Проект помещения, где я нахожусь.

Мгновенный болезненный укол в висках, и на полу материализовался листок бумаги, размером с альбомный лист. Мимоходом отметив, что с уменьшением объёма создаваемых предметов, уменьшаются и болевые ощущения, я вцепился в рисунок. На нём был изображён ровный прямоугольник со штриховкой в одном углу. Издевательские надписи поясняли содержимое схемы – «стены», «пол», «солома». Приглядевшись, на штриховке, обозначающей солому, я разглядел миниатюрный скелетик с весёленькой надписью махонькими буквами: «пленник».

Так, значит, да? Хорошо же. Мы тоже не пальцем деланные. Я уточнил заказ:

– Проект всего здания, в котором я нахожусь, со всей инфраструктурой и пояснениями.

Боль была посильнее, но вполне терпимой. На колени бухнулся фолиант страниц на четыреста в красном бархатном переплёте с золотым тиснением – «ПРОЭКТ. Том I. Дневной». Следом за ним материализовался второй том, уже тёмно-синего бархата с указанием на ночное содержимое. Ну вот – уже легче.

Устроившись поудобнее на соломе – творить даже табуретку не хотелось, ибо больно, я принялся за изучение талмудов. Ха! Громко сказано – за изучение. Всё, конечно, бы-

ло расписано от и до. С рисунками, пояснениями на русском языке, с описанием тайников, ловушек и способами их открытия-обезвреживания. Только вот найти нужную мне страницу оказалось не так-то просто. Через полтора часа безуспешных листаний, я в очередной раз чертыхнулся. Ну прям как маленький! Ты же в недалёком прошлом компьютерщик, системщик! А то, что сейчас малость переквалифицировался, так это ещё лучше – руководить проектом – это вам ни хухры-мухры. А какие качества нужны и в первом, и во втором случае? Правильно – уметь грамотно ставить задачу. Только в первом – машине, а во втором – людям. Вот то-то же. Итак – что у нас выступает в качестве объекта озадачивания? Правильно – мои новые способности. Задачу нужно ставить конкретно, а не как я – карьерным экскаватором принялся грядки вскапывать, дубинушка.

Положив талмуды перед собой, я пожелал совершенную банальность – чтобы они раскрылись именно на том месте, которое указывает на моё теперешнее местоположение. Ночной вариант так и остался лежать, не шелохнувшись. А вот дневной, пошуршав страницами, открылся примерно посередине. Ура!.. И что же мы имеем?

А имеем мы вот что – моя камера с пяти сторон окружена толщей породы. Базальт, судя по пояснениям. Непонятно только зачем с трёх сторон стены нужно было выкладывать каменными блоками? Насколько далеко простирается камень вверх или вниз, из схемы понять было сложно. Но это

и не важно. Если я правильно сориентировался по схеме, то через каких-то полметра стены по правую руку от меня, проходит длинный коридор, который с одной стороны оканчивается лестницей, ведущей наверх, а с другой – вниз. Больше на этом этаже никаких помещений не было. Этаж, кстати, исходя из пояснения вверху страницы, минус двадцать четвёртый. Это ж сколько топать-то наверх... Хотя, прежде чем топать, хорошо бы выбраться отсюда. Но, по крайней мере, теперь понятно, куда следует двигаться.

Никакой двери на странице изображено не было. Однако, на стене, со стороны коридора ярким красным пятном выделялся некий объект, незатейливо помеченный надписью «Вкл.-Выкл.». Так что у меня два пути: первый – попытаться воздействовать на этот загадочный выключатель, надеясь при этом, что он не запускает какой-нибудь механизм уничтожения пленника. Второй – пробить стену в направлении коридора. Немного поразмыслив, я склонился к первому варианту. Никаких дополнительных устройств на плане изображено не было, поэтому можно было не ожидать, что стены начнут сдвигаться, грозя раздавить меня в лепёшку, или, что из пола вылезут заточенные колья и прочего подобного безобразия. А вот пробивать стену – это минимум пять ударов, за каждым из которых последует очень неприятная расплата сильнейшей болью и потерей сознания. А я, как человек избалованный и изнеженный современной цивилизацией, совсем не готов был платить такую цену. Мне и преды-

дущих впечатлений хватило с избытком. Что ж, второй вариант оставим про запас.

Осталось придумать, как добраться до выключателя и как на него воздействовать. Сверившись со схемой, я отмерил необходимое расстояние на стене. Вот высоту определить сложнее. На двухмерном листе не было возможности отобразить расстояние от пола до выключателя. Ладно – не станем творить трёхмерную схему, а просто понадеемся, что пусковое устройство находится примерно на уровне глаз человека среднего роста. Я в задумчивости уставился в каменную кладку. Как же тебя обмануть? Ладно – мудрить не будем. Пусть будет перфоратор и... генератор. Как я и планировал в начале. Да – и защитные очки. Не изменяя традиции, боль накрыла меня сильно. Хотя до потери сознания не дошло. Или я притерпелся?

Запустив генератор, и мимолётно отметив – не забыть через пять минут ликвидировать угарный газ, я подключил инструмент и принялся пробивать себе путь наружу на стыке между камнями.

Первые три сантиметра... Впечатления – просто радужные!

Ещё два. Когда вернусь домой, надо будет запатентовать этот метод, как средство наказания любителей ремонта в неурочное время.

Ещё немного... А что? Треск генератора и частые удары зубила, каменная крошка и пыль, угар и заметное повыше-

ние температуры. Всё это в замкнутом пространстве. Красота!

Пот залил глаза, очки изнутри запотели, дышать тяжело. Надо сделать паузу и заменить угар свежим воздухом.

Отдыхать некогда. Перфоратор в зубы, точнее, в руки, и вперёд!

Сразу сантиметров семь – видимо раствор не качественный попался... После такого счастья мигом отобьёт желание долбить стены часов в десять вечера на радость соседям.

А вот дальше – туго. Может в неровность камня уткнулся?.. Нет, зубило опять вгрызается в стену. Отлично!

Уже больше половины... ещё раз очистить воздух.

Ещё немного, ещё чуть-чуть... Хорошо, что сразу догадался сделать зубило подлиннее. Только бы не сломалось.

Последний бой – он трудный самый... Крак! Всё-таки сломалось. На последних миллиметрах. Но уже пробив оставшийся тонкий слой раствора, и высунув кончик наружу. Уфф!

Что мы имеем? Руки-ноги дрожат, угара всё же надышался, в ушах звон, из царапины на щеке, оставленной отлетевшим каменным осколком, сочится кровь. Но выход есть! Вот он – пусть пока в виде небольшого отверстия диаметром в три-четыре сантиметра, но – лиха беда – начало! А вот теперь можно и отдохнуть, только недолго – минут пять.

Так, теперь проведём разведку. Был в моей жизни эпизод – попался я как-то в руки к эскулапам на предмет яз-

вы желудка. И пришлось мне пару раз пройти через крайне неприятную процедуру гастроскопии. Говорят, что некоторые пациенты переносят её довольно спокойно, но я никому не пожелаю даже один раз пройти через этот кошмар. Когда тебе в пищевод заправляют толстую пластиковую трубку со всякими световодами, воздуховодами и прочей начинкой, а ты лежишь и... не, даже вспоминать тошно. Но вот сам прибор мне сейчас очень пригодится.

Легкомысленно пожелал материализации данного устройства. Блин! Я и забыл, что помимо самой трубки-гастроскопа, к ней прилагается ещё куча дополнений в виде экрана, насосов и прочей лабуды. Ладно – надеюсь, что когда я выберусь отсюда, кому-то придётся серьёзно ответить мне на ряд неприятных вопросов. Опять запустив генератор, я включил следующий прибор и прильнул к окуляру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.